

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЕЛЕНА БЫЧКОВА,
НАТАЛЬЯ ТУРЧАНИНОВА

ИНОГДА ОНИ
УМИРАЮТ

**Наталья Владимировна Турчанинова
Елена Александровна Бычкова
Иногда они умирают**

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3523615
Иногда они умирают: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1167-2*

Аннотация

Далеко за пределами цивилизованного мира лежит легендарная страна Кайлат. Здесь находятся самые высокие в мире горы, живут мудрые, смелые люди и скрываются ответы на все сокровенные тайны жизни.

Чтобы узнать их – надо лишь добраться сюда.

И выжить.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	22
Глава 4	35
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Елена Бычкова, Наталья Турчанинова

Иногда они умирают

Посвящается всем, кто дошел и вернулся.

Тем, кто пока только мечтает, но однажды решится.

А также тем, кто остался в этих горах навсегда

Глава 1

Кайлат

Камни, лежащие горкой на грязном листе бумаги, отсвечивали робкими золотистыми бликами. Слишком робкими, слишком тусклыми.

– Берите, господин. Эти очень хорошие. Самые лучшие, – весело щебетала Муна, разворачивая новый замызганный сверток.

Эти топазы были еще хуже. Мелкие, непрозрачные и к тому же плохо отшлифованные. Они собрались на бумажном обрывке жалкой горсткой, похожие на мутные глаза дохлых рыб.

– Очень хорошие, – нахально заявила девчонка и посмотрела на меня честным взглядом.

– За кого ты меня принимаешь, Муна? – устало спросил я. – За глупого туриста? Эти камни не годятся даже на бусы для твоей младшей сестры.

Она состроила удивленно-обиженную физиономию, продолжая по инерции расхваливать товар и упрекать меня в недоверии. А я молча рассматривал ее.

Чумазое лицо с ярко накрашенными губами и веками, золотое кольцо в левом крыле носа, тоже не очень чистого. На длинных черных волосах повязка, расшитая нитью, которая раньше была бордовой. Между бровей тщательно приклеено несколько комочков розового риса – украшение по случаю праздника.

На пальцах с обгрызенными ногтями и наполовину облупившимся алым лаком – кольца, тоненькие запястья увиты браслетами. В черных зрачках уже поблескивают опасные огоньки, напоминающие цветом камни, которые она продает.

Единственной настоящей драгоценностью на девушке был маленький голубой сапфир, вживленный в кожу над левой бровью. Для украшения всего тела Муна была еще слишком юной.

– Зачем так говорить, господин. Я всегда даю вам хороший товар, – сказала она уже менее уверенно, смущенная моим долгим молчанием.

– Другие камни есть?

– Нет, – замотала она головой. – Эти последние.

Я невольно вспомнил слова Уолта, с упоением рассказывающего об этой стране и населяющем ее народе:

«Там живут удивительные люди. У них даже нет таких понятий, как ложь и предательство. В языке просто не существует подобных слов. Можешь себе представить?»

К счастью, он никогда не был в Кайлате, и ему не пришлось пережить разочарование, постигшее меня. Почти в первые же дни узнавшего, что понятие «ложь» в данной местности не требует определения не из-за ее отсутствия. А как раз напротив – из-за естественности процесса обмана, и обозначалось оно тем же словом, что и «работа»...

Из низкого, приземистого дома, прижимавшегося задней стеной к склону отвесной скалы, выбрался мальчишка лет трех и, неуверенно переставляя изуродованные рахитом

ноги, выгнутые колесом, подобрался к сестре. Сунув палец в рот, он застенчиво уставился на меня.

И я, как всегда, полез в карман, доставая шоколадку. Протянул ему. Братец Муны тут же доковылял ко мне и деловито схватил угощение.

– Вы берете? – вновь приободрившись, зашебетала девушка. – Две тысячи всего. А то уже поздно-поздно. А вам идти далеко-далеко. Можете не успеть.

На последних словах ее голос дрогнул, в нем зазвучали странные гортанные нотки. Как у хищной кошки, глаза снова опасно блеснули, и я увидел точно такой же голодный ответ в зрачках ее маленького брата.

– Ты права, – ответил я, посмотрев на горы, неровными стенами встающие над долиной. Их вершины постепенно затягивали облака. – Надо торопиться.

Поднял рюкзак, привычно забросил его на плечи и пошел прочь. Муна зашебетала мне что-то вслед, но ее голос вдруг оборвался, а я услышал за спиной хриплый окрик:

– Райн, погоди.

Я обернулся. С порога неторопливо спускался коренастый мужчина. Он сказал Муне что-то резкое на местном наречии – смеси найтили с пентха, и та, надувшись, ушла, прихватив с собой брата.

– Не спеши, – вновь обратился ко мне хозяин дома. – Есть для тебя кое-что.

Он вынул из кармана растянутых штанов небольшой мешочек, развязал тесемки и высыпал его содержимое себе на ладонь.

Мне показалось, что в тот же миг все вокруг озарилось ровным теплым светом. Золотые топазы. Несколько крупных, великолепно отшлифованных камней, наполненных сиянием. Именно за этим я ходил в горы едва ли не каждый месяц, кроме зимних. В нашем мире они стоили очень дорого и считались необходимым украшением у каждой уважающей себя женщины. Кто не мог приобрести натуральные, покупал подделки. Говорили, что в последнее время научились выращивать синтетические камни, практически неотличимые от природных. Но все же ни один из них не мог сравниться с настоящим кайлатским золотым топазом.

У Тиссы был такой камешек, который она любила носить, доводя до бешеной зависти своих подружек. И кто бы мог подумать тогда, что я сам стану добывать эти драгоценности.

– Сколько? – спросил я, вновь бросая рюкзак на землю.

Ранпур стоял в самом начале длинной цепи, по которой камни попадали в цивилизованный мир. Он по дешевке скупал их у местных добытчиков, потом перепродавал мне, я доставлял своему агенту, а тот отправлял в Амстел и Фиренцу, где их взвешивали, оценивали, классифицировали и пересылали в ювелирные дома. А уже оттуда, в виде украшений, развозили по крупнейшим магазинам.

– Пять, – ответил Ранпур, подумав, и добавил с самым искренним видом: – Только для тебя.

Если бы у меня было время торговаться, я бы постарался сбить цену, но теперь пришлось торопиться.

– Хорошо. – Я отдал ему деньги и получил увесистый мешочек.

– Когда будешь в следующий раз? – спросил хозяин, задумчиво глядя на темнеющие горные склоны.

– Не раньше чем через месяц, – ответил я, убирая топазы во внутренний карман куртки.

– Лучше через два, – откликнулся он. – Шахты совсем плохими стали. Мало камней. Придется из-за перевала возить.

Это вполне могло быть правдой. За последние несколько лет крупных топазов стало гораздо меньше, а мелкие потеряли весь блеск.

Ранпур кивнул мне на прощание и неторопливо направился к дому. А я быстро пошел прочь. В ближайший поселок до темноты мне было точно не успеть, но я знал, где можно переждать ночь.

Видимые вершины гор все еще были освещены чистым розовым светом, однако в ущельях уже клубились густые сиреневые сумерки. Воздух стал влажным и густым. Пыль, висящая над дорогой, осела, и теперь, спешно спускаясь вниз со склона, я вдыхал запах осенней листвы и тумана.

Тишину нарушало лишь негромкое журчание реки на дне ущелья и звук моих шагов.

По краю обрыва росли кусты барбариса, усыпанные красными продолговатыми ягодами, и редкие сосенки. Туман, поднимающийся снизу, окутывал их серым облаком. И каждое новое дерево становилось похоже на призрака, скорбно склоняющегося над пропастью.

Я прибавил шаг.

Говорят, что когда-то в незапамятные времена над этими горами пролетала птица Сиалчари. Тень от ее крыльев накрывала поселки, и с тех пор с наступлением темноты их жители стали превращаться в кровожадных хищников. А поскольку полет этой мифической птицы был весьма неровным, узнать, каких поселений коснулась ее тень, можно было только на личном опыте.

Впрочем, иногда мне казалось, что эта тень лежит и на всем цивилизованном мире, в котором я жил до того, как пришел в горы. Хотя мои соотечественники не охотились за поздними путниками после захода солнца и не устраивали кровавых оргий над их расчлененными телами.

Тропинка круто сбегала по склону. С обеих сторон над ней нависали камни, обросшие разноцветным лишайником, между которыми торчали пучки подсохшей травы.

Сверху уже был виден низкий забор, грядки, заросшие сорняками, кусты и каменный домик с одним окном. Не так давно здесь была ферма по восстановлению редких видов растений, существующих лишь на территории Кайлата. Кто-то из известных альпинистов решил вложить деньги в восстановление местной флоры, страдающей от наплыва туристов. Но из этой затеи ничего не вышло. Никто из кайлатцев не стремился помогать ему работать с растениями в питомнике, считая, что те и сами неплохо растут. Альпинист вскоре потерял интерес к разведению реликтов в одиночестве и занялся редкими животными, перебравшись в Аранпур, где сумел найти единомышленников. Но дом сторожа до сих пор стоял здесь и не спешил разваливаться.

Сумерки сгустились еще больше, и теперь я почти бежал вниз по дорожке.

Внезапно сверху послышались хруст, шелест, тяжелые шаги. Резко подняв голову, я увидел круглую морду эбо, равнодушно взиравшего на меня из кустов. Он помахивал ушами и ритмично двигал нижней челюстью, пережевывая жвачку.

– Шел бы ты отсюда, парень, – сказал я ему. – А то встретишь ненароком своих хозяев.

Он отвернулся и с легкостью, нереальной для могучей косматой туши, стал взбираться вверх по практически отвесному склону. Похоже, внял предостережению.

Вот наконец и забор. Я протиснулся в дыру между досок и оказался на территории фермы. Быстро прошел по узкой тропинке к сторожке. Вошел в дом, плотно закрыл за собой дверь и лишь после этого позволил себе вздохнуть с облегчением.

Внутри было темно и пусто. На полу лежал толстый слой прелых листьев, пахло сыростью и гнилыми досками. Света, просачивающегося через небольшое окошко с уцелевшим грязным стеклом, хватало лишь на то, чтобы увидеть смутные очертания какого-то темного предмета в углу.

Я чиркнул зажигалкой и осветил маленькую комнату с покосившимся топчаном. Порылся в кармане, достал свечку, зажег ее и прилепил на узкий подоконник. Таиться не имело смысла. Меня все равно найдут рано или поздно. В этом я тоже успел убедиться.

Поэтому вытащил из переднего клапана рюкзака кусок бечевки и намотал ее на дверную ручку и скобу, торчащую из косяка. Раньше я бы никогда не поверил, что обрывок простой на первый взгляд веревки может спасти мне жизнь, но несколько лет, проведенных в этих горах, помогли мне понять, что в нашем мире случаются очень странные вещи.

Темнота за окном наполнилась звуками. Вместе с ночным холодом, проникающим внутрь сквозь щели домика, стали просачиваться громкие шорохи, потрескивание, глубокие гулкие вздохи, быстрый топот чьих-то маленьких ножек, пронзительные крики ночных птиц, а может быть, и не птиц. Впрочем, сейчас все это звучало достаточно мирно, мне приходилось слышать по ночам кое-что и похуже. Особенно на перевале Гойо.

Стараясь не обращать внимания на эту суету за дверью, я достал из рюкзака горелку, установил на ней котелок, вылил в него воду, набранную еще днем у реки. Пока она грелась, расстелил спальник на топчане, размышляя, открыть последний пакет супа или сохранить его на утро.

Мельком поднял взгляд на окно, и холодный озноб кольнул кожу на затылке. С той стороны к стеклу прижималась человеческая ладонь. Мне показалось, что я могу разглядеть каждую линию на грязно-серой коже и каждый бугорок мозоли. Несколько мгновений рука оставалась неподвижна, потом пальцы начали медленно сжиматься, раздался громкий скрежет, и я увидел длинные когти, процарапавшие на стекле тонкие полоски. Затем послышалось ехидное хихиканье, и рука убралась, растаяла в темноте.

Я выпрямился, сообразив, что все это время почти не дышал.

Шутка. Это была всего лишь шутка. Неожиданный гость решил позабавиться над неосторожным путником. Пока только позабавиться.

Вдоль стены прошуршали крадущиеся шаги. Кто-то поскребся у двери, хмыкнул, а затем издал приглушенное ворчание, словно голодная собака, почуявшая кость.

– Муна, это ты? – спросил я, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо и уверенно.

Видимо, это получилось, потому что за дверью затихли. Потом снова зашуршали, заскреблись, громко сопя.

– Иди домой, – сказал я доброжелательно. – Лучше иди домой.

В щель между досками заглянул темный глаз, светящийся по краю радужки неровным, мерцающим светом. Он смотрел на меня с жадным, звериным любопытством, не мигая. В дыру между дверью и косяком просунулись пальцы, украшенные знакомыми золотыми колечками и кривыми серыми когтями. Они осторожно ощупывали дерево, словно ища охранные знаки или запоры, коснулись веревки и поспешно отдернулись.

Муна... то, что было Муной днем, обиженно взвизгнуло и опять уставилось на меня сквозь щель.

– Уходи, – повторил я. – Сюда ты войти не сможешь. Ищи другую добычу.

Ответом мне было глухое, недовольное бормотание. Если бы она встретила меня ночью в горах, убила бы не задумываясь, но инстинкт запрещал ей входить в чужой дом. Объяснялось это просто – нападешь на жилище соседа, и в следующий раз он разорит твое. Быть может, на меня, чужака, подобное правило не распространялось, но веревка, сплетенная из волос ашура, отпугивала ее, как отпугивает зверей запах более крупного и опасного хищника.

Вновь послышалось негромкое ворчание, напоминающее неразборчивую человеческую речь. Зашелестели шаги, теперь как будто удаляющиеся от домика. Я подождал несколько минут, но ничего не происходило. Глубоко вздохнул, только теперь обратив внимание на бульканье закипевшей воды. Наклонился, повернул рычажок на горелке, уменьшая ее мощность, разорвал пакет с супом и щедро высыпал его содержимое в кипяток. Потянулся за ложкой, но именно в этот момент в дверь с той стороны ударилось что-то тяжелое.

Я резко повернулся к входу и тут же услышал приглушенный злорадный смех. А в щели снова замаячил любопытный глаз. Муна хотела убедиться, что чужак достаточно испуган. Я не доставил ей такого удовольствия, делая вид, будто занят. Но незаметно вынул из ножен кривой клинок и положил рядом с собой.

Уолт любил говорить о том, что люди Кайлата мудры, сильны, далеки от цивилизации и не испорчены ею, в отличие от нас. «Они близки к природе, фактически они – часть ее, – часто повторял он, пристально глядя на меня, словно пытаясь донести какую-то тайную, глубокую мысль. – Думаю, только они могли избежать жестокой участи нашего мира...»

За дверью затихли, видимо, придумывали, как бы вывести меня из себя или напугать по сильнее, чтобы заставить выйти из дома.

Снова шаги, на этот раз в сторону окна. Рама задребезжала, а потом во все стороны брызнули осколки, свеча погасла и упала на пол. Теперь дом освещал лишь синеватый огонек горелки. Но в нем было видно, как в зазубренную дыру просунулась тонкая серая рука, затем плечо, всклокоченная голова. Взгляд блестящих глаз обежал комнату, задержался на котелке, в котором тихо побулькивало содержимое, но не нашел меня, стоявшего прижавшись к стене рядом с оконным проемом. Муна попыталась протиснуться дальше, и в то же мгновение я крепко схватил ее за обманчиво хрупкую руку. Она взвизгнула от неожиданности, рванулась, но тут же замерла, почувствовав лезвие ножа, прижатого к своей шее.

– Иди... домой, – сказал я раздельно и отчетливо, словно обращаясь к животному, которое никак не может выполнить команду. – Или мне придется убить тебя.

Под тонкой кожей ее руки напряглись мышцы. Муна скосила глаза на блестящее лезвие, облизала губы и уставилась на меня. В синеватом свете это грязное хищное лицо казалось уродливой пародией на человеческое. Хотя было вполне узнаваемо.

Я посмотрел в ее расширившиеся зрачки и, стараясь вложить в это слово всю свою волю, произнес тихо:

– Уходи.

Она, кажется, даже перестала дышать.

А я выпустил ее руку, чуть оттолкнув. Муна зашипела, выскальзывая на улицу. И я увидел, как она бежит прочь, опустив голову и низко пригнувшись к земле.

Снова стало тихо. Из дыры потянуло холодом и запахом мокрой листвы.

Я сел на топчан, машинально вытирая лоб. Давно мне не приходилось делать ничего подобного.

Уолт называл это умение «силой души» и лишь в нем видел надежду на выживание для таких, как я и как он сам. Но оно отнимало очень много физических сил.

Я снова зажег свечу, выключил горелку и придвинул ближе котелок...

В первое время мне казалось диким, как может застенчивая юная девушка или приветливый юноша превратиться в жестокое, хитрое, кровожадное чудовище, а утром опять стать прежними. Не испытывая никаких угрызений совести за то, что натворили ночью. Для них это было обычным явлением, как дождь, ветер, смена времен года.

И я тоже привык к этой новой реальности.

Глава 2

Намаче

Остаток ночи я провел в полудреме, даже во сне продолжая прислушиваться к шелесту и шорохам вокруг дома. Но все эти звуки были безопасными. Больше никто не пытался проникнуть в мое убежище.

По-настоящему крепко я уснул лишь под утро и проснулся, когда в разбитое окно полился сероватый рассвет.

Собрав вещи и быстро позавтракав, вышел на улицу. Трава была покрыта инеем. Он похрустывал под ногами, пока я поднимался вверх по тропе. Тучи разошлись, и в бледно-розовом свете стала видна белая изморозь, за ночь покрывшая темные склоны гор. Когда встанет солнце, она растает, испарится под пока еще жаркими лучами, превратится в облака.

Ветер, текущий с ледников, нес с собой аромат холодной свежести.

Я оказался на дороге, ведущей к следующему поселку, оглянулся. Седой Старик – одна из самых величественных, на мой взгляд, гор на треке, уже был подсвечен восходящим солнцем. Казалось, он стоял, склонив голову, и грозно смотрел из-под косматой шапки волос на ослепительные вершины длинного хребта, тянувшегося через весь материк.

Собственно, именно из-за этих гор сюда приезжали туристы со всего света. С другой стороны долины, напротив Старика, блистал на фоне синего неба неровный конус Ю-Чой. А рядом с ней застыла Одинокая Дева. Прекрасная и неприступная. Эти гиганты казались мне пришельцами из какого-то другого, невероятного пространства. Ледяные, безмолвные, равнодушные, не замечающие с высоты своего величия живой мир, копошащийся у их подножий. А если вдруг видели на своих замерзших склонах кого-то из людей, наказывали очень жестоко.

Я шел по тропе, чувствуя, как постепенно согревается воздух и река, текущая в ущелье, начинает бормотать все громче. Позвякивали колокольчики эбо, навьюченных тюками с продуктами, сеном, канистрами с бензином или оборудованием экспедиций, направляющихся к метеостанции. Особенно забавно смотрелись аккуратные белые коробки с рисунком в виде синих полос и крылышек транснациональной почты, грязной веревкой примотанные к лохматым спинам. Неожиданный отголосок цивилизованного мира в дикой реальности Кайлата.

Едва заслышав перезвон колокольчиков, я привычно отошел к краю тропинки и шагнул на невысокий выступ, прижимаясь к крутому склону. Это было одно из правил жизни в горах. Единственные, кому уступали дорогу всегда, – были эбо, неважно, несли они груз или шли порожняком.

Если этого не сделать – по незнанию или замешкавшись, – можно легко оказаться сброшенным в пропасть.

Я стоял, глядя, как эбо медленно проходят мимо, опустив морды к самой земле и натужно дыша. Сейчас, ранним утром, им было не так жарко, но в полдень, когда солнце начнет припекать, воздух нагреется и поднимется пыль, животным придется нелегко.

Караван из пяти зверей сопровождали два погонщика. За ними шли носильщики, нагруженные не меньше эбо. Одного из них я знал. Еще совсем молодой парень, тащивший огромный рюкзак, увидел меня, расплылся в улыбке, остановился, сложил ладони лодочкой, поднес их к подбородку – поклониться у него не получилось из-за неподъемного груза – и сказал:

– Намаскар, Рай-джи.

– Намаскар, Рисаб, – ответил я, спускаясь с утеса. – Куда идете?

– К монастырю. – Не снимая рюкзака, он прислонился к выступу, давая отдых спине, и с любопытством уставился на меня. – Туда приедет много иностранцев. Говорят, будут снимать фильм. – Последнюю фразу он произнес с особой гордостью, словно сам собирался принимать непосредственное участие в грядущих событиях. – А ты куда?

– Обратно, в Лукулу.

– О! – значительно произнес он, щуря черные глаза. – Может, тебе носильщик нужен? Ты бы подождал в Намаче. Я быстро поднимусь, а потом назад пустой.

Весь этот разговор не имел особого смысла. Рисаб прекрасно знал, куда я иду, сколько на это потрачу времени, что привык носить свои вещи сам и уж тем более не стану терять день для того, чтобы дожидаться, пока он спустится, но правила дорожного этикета требовали обстоятельно обсудить эти вопросы. Остальные двое носильщиков с любопытством прислушивались к нашему разговору.

– Спасибо, Рисаб, я сам справлюсь.

На смуглых до черноты физиономиях приятелей моего собеседника появилось одинаковое выражение разочарования и легкого недоумения.

По мнению большинства кайлатцев, белые люди не должны носить свои рюкзаки. У них так много денег, что они обязаны нанимать для таскания тяжестей местных и давать им таким образом заработать. Поэтому я вел себя, с их точки зрения, странно, если не сказать неприлично.

– Ладно, Рисаб, мне пора.

– Намаскар, Рай-джи, – сказал он, ничуть, впрочем, не удивленный моим отказом. – Еще увидимся.

– Намаскар, – ответил я и, пропустив носильщиков, пошел дальше.

Яркое, чистейшее небо стало излучать непереносимое для глаз сияние. Пока на нем не было ни единого облачка. Профили гор казались нереально четкими, видимыми до последней морщинки. Снежные пики, возвышающиеся над склонами, покрытыми лесом, блистали идеальной белизной. Я надел солнцезащитные очки, и краски вокруг стали чуть более приглушенными.

Дорога, ведущая в Намаче, прежде безлюдная, постепенно становилась все более оживленной. Сначала это были только носильщики, нагруженные вещами туристов, спешащие, чтобы успеть занять места в лоджах для своих подопечных. Я уже знал почти каждого из них – дорога одна, и людей, работающих на ней, было не слишком много. Не останавливаясь, мы обменивались приветствиями и шли дальше, занятые каждый своим делом.

Затем стали появляться первые трекеры. Мимо меня проходили группы по трое, пятеро и больше человек, отлично экипированные, с легкими разноцветными рюкзаками за плечами, фотоаппаратами и биноклями, в сопровождении внимательных гидов.

Время от времени попадались и компании людей, выглядящих гораздо более закаленными суровыми невзгодами походной жизни. Эти сами несли свои внушительные рюкзаки, презрительно поглядывая на несамостоятельных туристов, отдающих поклажу носильщикам. И, в отличие от них, почти не отвлекались на созерцание пейзажей, уже видев эти горы в прошлые посещения. Их интересовали не прогулки у подножий, а покорение новых вершин. За ними тоже следовали гиды, четко соблюдая правило – не пускать чужаков одних разгуливать по священным тропам, но давая подопечным больше воли.

Встречные провожали меня любопытными взглядами. Ведь я был один и явно не походил на обычного путешественника.

Солнце уже поднялось над горами, когда на фоне неправдоподобно синего неба появился первый молельный камень. Огромный черный валун, на котором были искусно выбиты, а затем раскрашены белой краской древние символы, стоял в окружении красных

цветов и густой зеленой травы. Его контуры напоминали очертания горы, возвышающейся за ним.

Я остановился рядом ненадолго. Мне, как всегда, захотелось коснуться белых иероглифов. Приложив ладонь к теплой шершавой поверхности, я закрыл глаза, вспоминая ночное происшествие.

«Чувства – основа души, – часто повторял Уолт, – мы должны строить свою жизнь так, чтобы испытывать их как можно полнее. Чем они глубже и ярче, тем больше силы дают нам. Но кроме этого «сила души» требует особой ответственности и соблюдения некоторых правил. А их каждый из нас устанавливает для себя сам».

Моим правилом было – относиться с почтением к неведомой силе, живущей в этих горах. Иногда меня слышали, иногда нет. Но почти всегда возвращали утраченное спокойствие.

...Негромкий щелчок и яркая вспышка отвлекли от размышлений. Я обернулся и увидел девушку с дорогой фотокамерой, все еще направленной в мою сторону.

– Извините, – произнесла она на международном без капли смущения или вины в голосе. – Я вас сфотографировала. Уж очень колоритно вы смотрелись на фоне этого камня. Вы, кажется, молились?

– Нет, – ответил я на том же языке, рассматривая незнакомку. – Просто задумался.

Очень хорошенькая и самоуверенная. Темно-русые волосы повязаны яркой косынкой, футболка туго обтягивает грудь, короткие шорты открывают длинные, стройные ноги. Но загар на них не местный – явно морской, бархатно-золотистый. Солнце Кайлата делало кожу очень темной, часто сероватой.

– Вы откуда? – спросила туристка, также внимательно рассматривая меня из-за черных очков, надежно скрывающих ее глаза.

– С Гойо.

– И как, поднялись? На самый верх?

Я машинально отметил, что она говорит бегло, но чуть тверже, чем нужно, произносит букву «р», а еще иногда растягивает гласные – значит, уроженка северных островов... Только у них был такой характерный легкий акцент, отличающийся от выговора материковых жителей.

Эта привычка – вслушиваться в речь окружающих и анализировать ее, давно стала частью моей натуры. И она давала мне возможность больше узнавать о людях, не задавая лишних вопросов. Любому человеку мог рассказать мне историю своей жизни, бросив всего лишь несколько обыденных фраз.

Из-за высокого камня вышли двое молодых людей. Таких же молодых, загорелых и довольных путешествием, как и моя собеседница.

– Не жарко? – тут же спросил один, окинув мою более плотную и темную, чем на них, одежду снисходительно-веселым взглядом.

– Как там с погодой? – поинтересовался второй.

У обоих была та же особенность речи, что и у девушки. Скорее всего, эти трое – с одного острова, а быть может, даже из одного города.

Обычные разговоры на тропе. Кто откуда идет, на какую вершину поднялся, и каких усилий это ему стоило.

Я начал отвечать на вопросы, как вдруг лица людей поплыли у меня перед глазами и загудело в ушах. Камень, которого я касался только что, отвечал мне.

Солнечная долина смазалась, растворилась в неправдоподобно яркой картине.

Я видел поникшую траву, белую тропинку, глубокой колеей вытопанную в земле. Низкие, клонящиеся к земле деревья с перепутанными кронами и серым мхом на стволах. Алые листья данф, красные лишайники на камнях. И кровь. Очень много крови, заливаю-

щей землю. Обрывки одежды, распотрошенные рюкзаки, разодранные чьими-то острыми когтями.

Облака, сползающие со склонов, то застилали, то снова открывали это зрелище. И прежде чем я успел ощутить запах, висящий над поляной, видение расселось.

– Куда вы идете? – спросил я хрипло, вытирая внезапно взмокший лоб.

Молодые люди смотрели на меня с недоумением и легкой тревогой.

– Похоже, у вас горная болезнь, – серьезно сказала девушка с камерой. – Надо спускаться.

– Где ваш гид?

На тропинке появился кайлаец средних лет, увидел меня и улыбнулся:

– Намаскар, Рай-джи.

Он знал меня, но я, все еще оглушенный видением, смотрел на его добродушное лицо, покрытое тонкими морщинами, и не мог понять, кто он такой. Перед глазами по-прежнему стояли багровые лужи. Очень редко ко мне приходили такие озарения, но если я видел нечто подобное, сомневаться в их правдивости не приходилось.

– Не ходите к Ю-Чой, – сказал я проводнику на найтили, поняв вдруг, где растут эти красные цветы и лежат багряные камни. На перевале Минг-Ла. – Вернитесь. Переждите день.

– Что ты видел? – спросил кайлаец, став предельно серьезным.

– Кровь, разорванная одежда. Тел нет, но... людей тоже нет.

– Ясно, – ответил гид, приложил сомкнутые ладони ко лбу, поклонился камню, пробормотал короткую молитву, благодаря высшую сущность за предостережение, переданное через белого чужака, обладающего третьим зрением.

Затем повернулся к подопечным и заявил на международном:

– Нам лучше пойти назад. Так будет безопаснее. Погода испортилась, и мы не дойдем до перевала.

– Что?! – возмутился один из парней, вытаращив глаза. – Как назад? Да у нас же все по дням расписано! Мы не успеем. И погода прекрасная!

– Не уложимся в график, придется идти быстрее, – подхватил второй более вежливо. – А как же адаптация?

– Радж, тебе этот тип что-то сказал? Да ты посмотри на него, он же больной.

Кайлаец с непроницаемым лицом слушал их возмущение, а я вдруг вспомнил его. В прошлом году у этого гида погиб один из трекеров. Заблудился в тумане во время короткой прогулки на небольшой высоте. Еще одна нелепая смерть. И теперь для бизнеса Раджа будет очень плохо, если в его группе не вернется кто-то еще, а уже тем более – он сам.

Девушка тоже молчала, глядя на меня, и даже сквозь ее непроницаемые горные очки я чувствовал напряженный, вопросительный взгляд.

– Думаю, надо повернуть, – сказала она, оборвав на полуслове одного из своих спутников.

– Кира, ты что, серьезно? – тут же повернулся он к ней. – Мы заплатили кучу денег, а теперь из-за какого-то ненормального...

– Он не псих. – Она неожиданно сняла очки, и я увидел ярко-голубые внимательные глаза. – И я хочу вернуться. Вы можете отправляться дальше, а я пойду обратно.

Молодые люди с одинаковой неприязнью посмотрели на меня и, обступив девушку, принялись вполголоса уговаривать ее не делать глупостей.

– Думаешь, ты сможешь их убедить? – спросил я гида тихо.

– Смогу, – убежденно ответил тот. – Скажу, что в лоджах при монастыре закончились все места и ночевать им придется под открытым небом. Никуда не пойдут.

Я невольно улыбнулся, слыша этот уверенный обман.

– Спасибо, Рай-джи, – вдруг сказал он. – Мне говорили, что у тебя есть третье зрение, но я не верил. Теперь знаю. Удачной дороги тебе.

Я пожал на прощанье его протянутую руку и, оставив Раджа разбираться с подопечными, пошел дальше.

Тропа обогнула гору, и вершина Седого Старика оказалась у меня за спиной. А когда на горизонте появились крутые склоны Тамерску, меня догнала уже знакомая путешественница.

– Куда это вы так несетесь? Еле догнала, – сказала Кира с легким упреком, переводя дыхание, и тут же уточнила: – Я с вами. Вы ведь в Намаче.

– А как же ваши друзья?

– Стоят на том же месте и пререкаются с Раджем. – Она презрительно дернула плечом и добавила с уверенностью: – Все равно обратно к вечеру приползут. А я пока на массаж схожу. Говорят, тут делают отличный аюрведический массаж. В Интернете посижу...

Она замолчала и продолжала идти рядом быстрым, решительным пружинистым шагом, бросая на меня любопытные взгляды.

– Вас Райджи зовут? – наконец осведомилась она.

– Райн. «Джи» – это вежливое окончание, которое кайлатцы иногда добавляют к имени.

– Вы и на местном языке говорите, – озвучила девушка свои размышления. – Давно здесь живете?

– Несколько лет.

Кира снова умолкла, пережидая, пока мимо пройдет очередная группа. И как только трекаеры удалились на достаточное расстояние, сказала убежденно:

– Вы ведь увидели что-то там, у камня. Что-то про нас. Так? Сказали Раджу, и тот сразу поверил. Местные вообще верят во всякую ерунду. – Не останавливаясь, она приподняла камеру, висящую на груди, сфотографировала скалистую стену Тамерску. – Нам рассказывали кучу всяких преданий, поверий, сказок. Ну вроде того, что гора Одинокая Дева терпеть не может женщин и ни одна не может подняться на ее вершину. Или, например, если собираешься на Сагараматху, во время трека нельзя спать не со своим мужем. Или вот еще – непозволительно выходить из дома после захода солнца.

– Если вы не верите во все это, зачем повернули назад?

– В это не верю, но... – Она запнулась, обдумывая следующую фразу. – Я как-то читала в журнале статью. Там говорилось, что во всем мире есть несколько сотен человек, которые отличаются от остальных. Будто бы у них есть душа, поэтому они, в отличие от прочих, нормальных, такие странные. И психика у них очень неустойчивая, потому что они все время переживают из-за всяких пустяков, могут очень сильно привязываться к одному человеку...

Она рассмеялась, качая головой, и пнула мелкий камешек, попавшийся под ноги.

– Иногда у них бывают видения, вроде как у вас, в голову приходят чудные идеи, они часто совершают нелогичные поступки.

– Например, спасают кому-нибудь жизнь?

Кира снова весело рассмеялась:

– Ну примерно. Вернее, спасают чью-то жизнь, не получая от этого никакой выгоды. Да и удовольствия тоже. Или – совсем уж глупо – рискуют своей. В общем, я сразу поняла, что вы один из них.

В ее словах была часть правды. Наш мир всегда отличался односторонним восприятием. Простым и рациональным. Существует только белое или черное, горячее или холодное. А такие, как я, не вписывались в общую картину реальности.

– Меня, кстати, Кира зовут, – мило улыбнулась девушка.

– Я знаю.

Дальше какое-то время мы шли молча. Она периодически останавливалась, фотографировала понравившийся вид и опять догоняла меня.

Солнце припекало все жарче, и над белыми вершинами стали клубиться облака. Их легкие тени скользили по склонам и растворялись среди теней долины.

На пологом участке земли паслась лошадь с жеребенком. Он вскидывал голову, фыр-кал, мотал коротким лохматым хвостом и, смешно выбрасывая вперед ноги, бегал по загону.

– А мне говорили, что лошади здесь не водятся, – рассеянно заметила Кира, роясь в кармане.

– Их очень мало. Но в старинных легендах говорится, что раньше в Кайлате разводили коней и даже продавали их. В горах живет народность, которая до сих пор называется «таманг», что переводится как «продавец скакунов». И при дворе императора именно таманги работают в конюшнях. Но теперь в основном грузы перевозят на эбо. И на людях.

Она усмехнулась, словно услышала забавную шутку, вынула из кармана шоколадку, искоса взглянула на меня, но ничего не сказала.

Следующие полчаса пути Кира сосредоточенно размышляла о чем-то, даже перестав фотографировать. Хмурилась, пару раз с легким недоумением посмотрела на меня, покачала головой в ответ на какие-то размышления и внезапно спросила, лучезарно улыбаясь:

– А в поселке ты где остановился?

– На нижних террасах, – ответил я, уже прекрасно зная, к чему ведет этот разговор.

– Не возражаешь, если я составлю тебе компанию? – В ее голосе не было ни малейшего сомнения в моем утвердительном ответе.

Кира кокетничала так, словно решала математическое уравнение. Уверенно и стандартно. Предмет она вызубрила на «отлично» и теперь прекрасно знала, в какое место формулы своего флирта подставлять взмах ресниц, улыбку или взгляд.

– Не думаю, что это хорошая идея, – сказал я мягко.

– Почему это? – совершенно по-детски обиделась моя собеседница, останавливаясь.

Мимо нас прошли несколько туристов, с любопытством поглядывающие на пару, выясняющую отношения посреди трека. Гид, идущий следом, деликатно отвернулся. У местных считалось неприличным демонстрировать глубокие личные чувства и тем более наблюдать за их проявлениями.

– Мы только что говорили о том, что я один из тех, у кого есть душа, – продолжил я. – На меня находят странные видения, и я часто совершаю нелогичные поступки.

Она кивнула, и ее губы искривились в легкой усмешке. Кира решила, что спутник оскорблен ее замечаниями и теперь пытается отомстить, делая вид, будто не хочет выполнить простую просьбу.

– ...Но кроме этого, такие, как я, обладают еще одним противоестественным даром, талантом, не знаю, как лучше назвать. Мы привлекаем людей. Таких, как ты. Одних сильнее, других слабее, кого-то с первых минут общения, кого-то через неделю или месяц. Ты стремишься пойти со мной не потому, что хочешь этого сама.

На лбу Киры появилась глубокая вертикальная морщина, губы плотно сжались, а скулы напряглись. В ее черных зеркальных очках отражался белоснежный профиль Тамерску и легкая вуаль облака, окутывающая его.

– Я ничего не слышала об этом, – сказала девушка, легким пренебрежением маскируя озадаченность, а потом спросила: – Значит, поэтому ты живешь в Кайлате? Не хочешь, чтобы люди привязывались к тебе?

– И поэтому тоже, – ответил я, не вдаваясь в подробности.

– Тогда ты определенно очень странный. – Лоб Киры разгладился, губы снова улыбались. – Любой жил бы в цивилизованном мире, пользовался своим даром, наслаждался вни-

манием окружающих. А ты сидишь в этой глуши... – Она не договорила, пожала плечами, поправила лямки рюкзака и пошла вперед.

Тропа сузилась, превращаясь в тонкую полосу, тянущуюся по склону горы. Здесь уже полгода восстанавливали кусок обвалившейся дороги, укрепляя ее металлической сеткой, засыпая пустоты щебнем и обломками валунов. Однако работа продвигалась очень медленно.

Нас догнали три носильщика, согнувшиеся под тяжестью длинных широких корзин, наполненных камнями. Впереди показался очередной караван эбо, и воздух сразу наполнился густым запахом навоза и потной звериной шерсти. Весело звенели колокольчики на косматых шеях, резкие гортанные крики погонщицы, а также удары палкой заставляли зверей двигаться быстрее. Немолодая женщина в темном платье и платке, низко надвинутом на лоб, угрюмо посмотрела в мою сторону, скользнула безразличным взглядом по моей спутнице. И меня неожиданно коснулось довольно неприятное ощущение. Как будто с ледника долетел особенно холодный порыв ветра.

– Осторожнее. – Я взял Киру за локоть, уводя с пути эбо. – Здесь надо быть очень осмотрительным.

Видимо, мой голос прозвучал как-то необычно, потому что она настороженно покосилась на меня. Но послушно забралась на небольшой выступ над тропинкой, чтобы пропустить тяжело навьюченных животных. Я встал рядом с ней на этой крошечной площадке, вытопанной многими ногами, глядя на грязно-белые косматые спины, проплывающие ниже.

Носильщики также постарались избежать столкновения с неповоротливыми эбо. Двое из них прижались к отвесной скале, пропуская караван, а третий шагнул в другую сторону, ближе к обрыву...

А затем все произошло очень быстро.

Громоздкий, неуклюжий зверь, проходя мимо, всего лишь слегка задел человека тюком, прикрученным к косматому боку. Кайлатец покачнулся, взмахнул руками, пытаясь восстановить равновесие, но тяжелая корзина потянула его за собой. И он упал. Вниз, с крутого, почти отвесного склона.

На мгновение все вокруг будто замерло. Погонщица с суровым, замкнутым лицом, носильщики, согнувшиеся под своей ношей, медлительные эбо, даже пыль над дорогой. Лишь грохотали камни, вываливающиеся из корзины, и слышались глухие удары человеческого тела об острые валуны.

А потом Кира вскрикнула, до боли вцепилась в мою руку и произнесла свистящим шепотом, как будто не веря своим глазам:

– Ты видел? Он сорвался? Он что, правда сорвался?

Тут же заголосила погонщица эбо. Я скинул рюкзак и бросился к краю. Следом за мной спешили два носильщика, избавившиеся от своей ноши.

Внизу, на узком каменистом берегу реки лежало неподвижное тело. Сверху его едва можно было разглядеть.

– Разбился, – произнес на горкхали рядом со мной один из кайлатцев без удивления, сочувствия или испуга. – Хотя, может, еще жив?

– Вряд ли, – ответил я на том же языке, вглядываясь в черную фигурку. – Слишком высоко.

– Ах, как жаль. Какой хороший человек был, – сказал второй, пожилой носильщик, с заученными интонациями огорчения и печали, но тут же заявил деловым тоном: – Спустить надо.

Он посмотрел на меня, и я увидел в его черных узких глазах вполне понятное выражение опасения и настороженности. Видимо, он увидел то же самое в моем взгляде. Несколько

мгновений пытался решить, как относиться ко мне – на обычного белого не похож, говорю на его языке, кажется, знаю местные особенности, но все же не местный. И кроме того, чувствовал во мне ту самую силу души, о которой так часто говорил Уолт и которая так сильно притягивала к подобным мне остальным людям. Наконец кайлатец кивнул молча, решив принять меня за своего. Вытащил из корзины веревку, смотал и повесил себе на плечо.

Погонщица скороговоркой выложила соболезнования по поводу случившегося, выразила сожаления о том, что не может остаться, чтобы помочь, – ей засветло надо быть в Тенгабоче, поклонилась всем присутствующим и быстро ушла со своими эбо.

Я видел, как она на ходу, оглядываясь через плечо, торопливо чертит в воздухе охранные знаки, перед собой и над спиной животного, столкнувшего человека.

– Ужас, – услышал я равнодушный голос Киры. Она стояла на безопасном расстоянии, наклонившись вперед и вытянув шею, чтобы разглядеть погибшего носильщика, лежащего внизу. – А ты был прав, когда предупреждал меня. Здесь действительно надо было быть осторожным. Как ты узнал, что он упадет? Эй, ты куда?

– Возвращайся назад, к Раджу. – Я отвязал трекинговые палки, пристегнутые к моему рюкзаку. – Мне придется задержаться.

– Почему? Что ты собираешься делать?

– Надо поднять тело.

Она передернула плечами от отвращения, хотела спросить что-то, но к нам подошла еще одна группа трекеров. Посыпались неизбежные вопросы, восклицания и комментарии.

– Тут недалеко тропа есть. – Носильщик не обращал на них внимания. Его лицо, покрытое сеткой морщин и напоминающее старый пекановый орех, было невозмутимо, однако темные глаза светились заметным беспокойством. – Можно вниз сойти. Идешь?.. – Он выразительно замолчал, и я, отвечая на его невысказанный вопрос, произнес:

– Райн.

– Тенгба, – вежливо представился он и указал на своего молодого товарища: – Лакпа присмотрит за вещами. Мало ли что. Сейчас еще двое наших подойдут, помогут. А мы пока с тобой вдвоем спустимся.

Второй носильщик широко мне улыбнулся и слегка поклонился.

– Намаскар, Рай-джи. – Ко мне подошел гид новой компании трекеров, рослый, по меркам кайлатцев, человек средних лет с правильными чертами смуглого лица.

Одет он был в хороший спортивный костюм, и небольшой рюкзак за его плечами казался явно не местного производства. Оба носильщика почтительно поздоровались с ним, он ответил им вежливо, но равнодушно и снова обратился ко мне:

– Что случилось?

– Намаскар, Юро, – ответил я. – Портер в пропасть сорвался.

Гид глянул вниз с обрыва, нахмурился, прикрыл глаза, пробормотал короткую молитву, затем жестом велел Лакпе подойти. Тот почтительно приблизился и стал подробно рассказывать, что произошло.

Кира, окруженная путешественниками – молодыми людьми и девушками, излагала им свою версию произошедшего, больше не обращая на меня внимания.

Мы вдвоем с кайлатцем пошли прочь от этой шумной, беззаботной толпы. Тенгба молчал. Говорить действительно было не о чем. Все ясно и так. Чем быстрее мы окажемся внизу, тем лучше.

Впрочем, когда обнаружилась узкая, петляющая тропинка, ведущая к реке, он все же не удержался от комментария:

– Значит, это я про тебя слышал. Будто есть один сумасшедший белый, который по горам в одиночку ходит. И до сих пор жив.

Он внимательно посмотрел на ножны с клинком, висящие на моем поясе.

– Хукури в монастыре делали?

Обычно иностранцы называли клинок кухри, но местные предпочитали именно это название.

– Да.

Он одобрительно покивал головой и начал спускаться первым.

Трехсотмиллиметровый клинок моего ножа формой напоминал лист местного дерева сиру. Поэтому создатель этого клинка называл его сирупати. Считалось, что уникальный изгиб увеличивал силу удара в семнадцать раз. Моим кухри весом девятьсот граммов можно было перерубить ствол дерева диаметром двадцать сантиметров с одного удара. Когда я впервые взял его в руку, то понял, что центр тяжести смещен ближе к рукояти. Держать сирупати было удобно, однако стоило мне попробовать вращать кистью, сжимая нож, как возникло стойкое ощущение, что он сейчас вырвется из ладони. Понадобилось довольно долго упражняться, прежде чем я смог полностью приручить его.

Часто ножны для подобного оружия стоили дороже самого кухри, если изготавливались из ценных пород дерева или оникса, но мои были простыми, кожаными. В них имелись дополнительные отделения для «маленьких братьев» – двух ножичков, которые использовались для заточки и правки клинка большого брата, а также всевозможных мелких хозяйственных нужд.

Помню, первый раз я увидел хукури в деле, как только приехал в Кайлат. Такси везло меня по разбитым, шумным, пестрым улицам Кантипура, забитым людьми, мотороллерами, машинами и велорикшами. Я попал на один из праздников. Мощные изогнутые клинки рубили головы жертвенным животным. По мостовой текла кровь, со всех сторон слышались истошные вопли. И в какое окно я бы ни посмотрел – везде видел обезумевшие от ужаса морды коз, овец, баранов с выпученными, страдающими глазами. Веселые женщины в красных одеждах направлялись к центральной площади. Мужчины, деловито переговариваясь, прижимали животных к камням и одним ударом перерубали им шеи. Мимо пробежал мальчик, держа отрубленную куриную голову и весело размахивая ею. Струя крови обрызгала стекло машины, ударив почти мне в лицо.

– Хороший знак, – довольно сказал водитель, оглядываясь на меня, и я понял, что почти все, что я знаю об этой стране, можно забыть и начинать изучать ее заново...

Спуск с горы стал еще более сложным, и мне пришлось отвлечься от воспоминаний.

Кайлатец шел очень быстро, почти бежал по извилистой тропинке. Я успевал за ним только потому, что опирался на трекинговые палки. Они помогали держать равновесие, перепрыгивать через валуны, постоянно попадающиеся на пути, и снимали нагрузку с суставов ног.

Но все же, несмотря на то что мы оба торопились, спускаться пришлось не меньше получаса.

Шум реки заглушал наши шаги и стук металлических наконечников моих палок о камни. Потянуло холодом от ледяной, бурлящей воды.

– Хорошо хоть все утром случилось. – Тенгба ниже надвинул на лоб свою потрепанную красную кепку. – Ночью или в сумерках мы бы здесь попрыгали.

– Пришлось бы отложить до утра.

– Нельзя откладывать, сам знаешь. – Он поспешно оглянулся на меня, чтобы удостовериться, действительно ли я знаю об этом.

Убедился, что не собираюсь задавать лишних вопросов, и успокоился.

В Кайлате обсуждать некоторые прижизненные и особенно посмертные свойства местных жителей считалось неприличным даже друг с другом.

Упавший лежал на том же самом месте, белые камни вокруг него были залиты кровью. Руки и ноги вывернуты под неестественными углами, голова разбита, лицо обезображено.

Неподалеку валялась помятая корзина. Было видно, что человек мертв, но я все же наклонился и прижал пальцем артерию на его шее.

– Знаешь, что такое небесные похороны? – Тенгба подтянул свои безразмерные штаны, перетянутые резинкой на поясе, закатал рукава спортивной кофты и сбросил с плеча веревку.

– Знаю. Видел. – Я не стал вдаваться в подробности о своих впечатлениях от этого зрелища. – Думаешь, у его семьи достаточно денег, чтобы заплатить могильщику-рогьяпе, который может провести их?

Тенгба с сожалением поцокал языком, обходя тело.

– Денег у нас действительно немного.

– У нас?

Кайлатец поднял голову, взглянул на человеческие фигурки, мелькающие у края склона.

– Он был младшим братом моего деверя.

Меня уже не удивляли равнодушие и спокойствие кайлатцев, видящих смерть своих близких. По их верованиям, тело умершего было всего лишь пустой оболочкой, скорлупой, которую нужно просто снять для того, чтобы выпустить дух, совсем недавно оживлявший его. Ведь теперь, когда связь с плотью оборвана, ему надо поскорее отправиться в мир мертвых. И там ему будет гораздо лучше, чем здесь. Так что печалиться нет причины, но я все же сказал:

– Мне очень жаль. Прими мои соболезнования.

Тенгба молча кивнул.

В воздухе над нами начал кружить ворон, через пару секунд к нему присоединился второй.

– Уже пришли, – задумчиво произнес кайлатец, глядя на птиц – проводников в мир мертвых. – Скоро позовут других.

Затем он пробормотал знакомую мне краткую молитву напутствия для своего умершего родственника и принялся разматывать веревку.

Людей, стоящих на горе и смотрящих вниз, прибавилось. А через несколько минут послышались шаги, и к нам присоединились еще двое кайлатцев, спустившихся по той же тропе, что и мы. Они принесли с собой кусок ткани, в которую мы общими усилиями завернули тело, перевязав его веревкой. В обратный путь, на тропу, где этот человек ходил при жизни, он отправился в корзине, которую носил прежде сам. Ее привесили на спину одного из самых крепких носильщиков, и тот тащил груз, пыхтя и отдуваясь.

Во всем происходящем была своеобразная горькая ирония. Сначала ты несешь свою ношу, затем можешь превратиться в нее сам, и кому-то придется поднимать тебя.

Как оказалось, Кира не ушла. Она дожидалась меня, сидя на уступе, нетерпеливо покачивала загорелыми ногами и от скуки фотографировала все подряд. Был уже полдень. Облака ползли вверх по склонам, закрывая белые вершины. Кайлатцы, коротко обсудив предстоящие похороны, которые будут проходить в районе Лхаса, разобрали свои вещи и направились в сторону Намаче.

Кира подождала, пока я попрощаюсь с носильщиками, забравшими тело разбившегося товарища, спрыгнула на землю и спросила как ни в чем не бывало:

– Ну, теперь мы можем идти?

– Ты не вернулась к Раджу? – Я прицепил трекинговые палки к рюкзаку и с неохотой поднял его, вновь надевая лямки на плечи. Все же я немного устал, поднимаясь обратно по склону и помогая тащить нелегкое человеческое тело.

– Нет. – Девушка недовольно скривила губы. – И мимо он не проходил. Значит, повел ребят... куда он там собирался их вести, показывать местные достопримечательности. А я

с тобой, как и собиралась. Хорошо бы больше никто не сорвался в пропасть и заминок в пути не было.

Высказав это пожелание, она уверенно зашагала вперед.

До самого Намаче девушка со мной не разговаривала. Только поглядывала время от времени, выразительно поджимала губы и снова отворачивалась.

В поселок мы добрались примерно через час. Здесь я должен был ночевать прошлой ночью. Но теперь из-за вынужденной задержки мне придется миновать столицу высокогорного королевства.

Намаче был расположен на склонах, образующих глубокую воронку – зеленые террасы полей спиралями спускались до самого дна долины. Две горные реки, Бхот Коши и Имья Кхола, огибали селение. Одна брала начало из-под вечно тающего ледника Нгозумпа, питающего озеро Гойо, другая – с Локхотце. Весело журча на перекатах, потоки сливались в один и неслись дальше, в нижний Кайлат.

Крыши домов синели яркими веселыми пятнами, похожими на цветную мозаику, радующую глаз. В густой синеве неба снова медленно кружили две черные тени – вороны выискивали добычу.

Сначала мы шли по тропинке, вьющейся по склону горы, затем я увидел ступени, ведущие вниз, и указал на них Кире. Она кивнула и направилась по ним первой. Быстро, легко, уверенно.

– Где вы останавливались в поселке? – спросил я девушку.

– В «Снежном барсе», – ответила она, не оборачиваясь. – На нижних террасах.

Хороший отель, и дорогой. Один из первых в Намаче. Там отдыхали все знаменитые альпинисты и оттуда же шли самые первые экспедиции на вершину Матери Всех Богов – Сагараматху, Ю-Чой и Седого Старика.

– Я отведу тебя, попрошу дать комнату и сообщу Раджу, что ты там.

– Я и сама могу. – Кира оглянулась на меня через плечо, и ее черные очки отразили солнечный блик.

– Одну тебя не пустят.

Она не стала спорить, равнодушно пожав плечами.

По узким, неровным, пыльным улицам Намаче бродили туристы, местные жители, эбо и носильщики. Почти возле каждого дома стояли длинные столы с горами сувениров. Бусы с яшмой и бирюзой, фигурки животных, вырезанные из черного дерева, молитвенные барабанчики, бронзовые статуэтки богов и богинь, поющие чаши, поделки из рога, серебряные раковины...

Все это богатство призывно блестело и переливалось, позванивало и гудело. Кира уже была здесь, поэтому не задерживалась. Но на неподготовленных туристов подобное великолепие действовало ошеломляюще.

Прилавки с сувенирами чередовались лавками, забитыми трекинговым снаряжением. Не самым лучшим, на мой взгляд, и не самым дешевым.

Двух- и трехэтажные дома выглядели вполне современно. Кроме туристов, сюда свозили еще и контрабанду, которую доставляли по горным тропам из Гунхэго. Так что владельцы лоджей и гостиниц могли себе позволить завести интернет-клубы с десятком хороших компьютеров, настоящие пабы и бары, провести электричество и освещать свои заведения модным неоном.

Отель, в который я вел Киру, был расположен в нижней части города. По вечерам здесь висело облако дыма от печей, которые топились во всех домах. Но многим даже нравился горьковатый запах, плывущий в вечернем воздухе, он добавлял романтики.

Двери «Снежного барса» были гостеприимно распахнуты.

На стенах узкого коридора висели старые, еще черно-белые фотографии покорителей гор. Худых, изможденных, бородатых счастливых на фоне белоснежных пиков и безграничного неба. Никого из них уже давно не было в живых.

– Кстати, ты поднимался на Сагараматху? – спросила Кира, мельком взглянув на фотографии.

– Нет.

– Почему? – Она сняла очки и чуть прищурилась, глядя на меня. – Ты давно здесь живешь. Знаешь все трудности. К высоте адаптировался...

– Не хочу шагать по трупам.

– По каким еще трупам?

– Человеческим. Есть такая кайлатская легенда. Одно из воплощений местного высшего существа – свирепая, жестокая, но справедливая богиня. Она ненавидит, когда люди нарушают правила, установленные ею. И любит украшать склоны своего жилища телами тех смертных, что не угодили ей.

Кира поморщилась:

– А на самом деле?

– Альпинисты гибнут от отека мозга, обморожения, срываются в трещины. Но никто не в силах спустить с такой высоты их тела. Поэтому они остаются.

Девушка серьезно кивнула. Такое пояснение ее вполне устраивало.

Хозяин отеля был занят очень важным делом – перетаскивал мешки с почтой. Он всегда занимался этим лично, считая, будто без его внимания письма потеряются. Не исключено, что это было именно так.

– Давно тебя не видел, Рай-джи, – сказал он на нашли, отдуваясь и вытирая рукавом застиранной рубашки взмокший лоб. Широко улыбнулся. – Что за дела у тебя здесь?

– Намаскар, Ньима, – ответил я. – Найди комнату для девушки.

Улыбка мгновенно исчезла с пухлых, обветренных губ кайлатца. Его круглое лицо с косматыми бровями и приплюснутым носом стало суровым. Он уставился на Киру, и та невольно поежилась под его пристальным взглядом.

– Она что, с тобой? Ты тоже останешься?

– Нет. Пойду дальше. Но пока она со мной.

Ньима вздохнул, как мне показалось с облегчением.

– Извини, Рай-джи. Не могу. Сам знаешь – ты уйдешь, она останется. А кто она такая, ты можешь сказать? Я – нет. Кто за нее отвечать будет?

– Я ручаюсь за нее.

– А если ты ошибся? Вот если бы ты остался, тогда никаких вопросов. Пусть ночует.

– Ее гид – Радж, – сказал я хозяину, потерявшему к девушке интерес. – Позвони ему. Он скоро приведет сюда остальных ее спутников.

Ньима поворчал еще некоторое время, но отправился на поиски мобильного телефона, вернулся и долго набирал номер проводника, продолжая бурчать что-то себе под нос.

– В чем проблема? – тихо спросила меня Кира. – Свободных номеров нет?

– Есть. Но кайлатцы никогда не оставляют в своем доме гостей без сопровождения местного гида, – так же негромко ответил я, одновременно прислушиваясь к тому, как Ньима, дозвонившийся до Раджа, препирается теперь с ним.

– Опять из-за какой-нибудь дурацкой местной легенды? – произнесла она недовольно.

– Вроде того, – улыбнулся я.

– Ладно, – заявил хозяин гостиницы из-за стойки, убирая телефонную трубку. – Пусть остается. Их прежняя комната свободна. Радж уже на подходе.

– Все в порядке, – сказал я девушке. – Скоро твои друзья будут здесь.

– Ну, тогда спасибо за помощь, – ответила она, глядя в сторону. – Может, еще увидимся.

– Может быть, дорога здесь одна.

Кира кивнула мне на прощание, взяла ключ, который протянул ей хозяин отеля, и, не оборачиваясь, пошла прочь по длинному коридору.

Обычная встреча на тропе. Увиделись, поговорили и больше никогда не встретились. Я попрощался с Ньимой и вышел из отеля...

Улица круто спускалась вниз. Стал слышен плеск реки, моей постоянной спутницы, следующей почти тем же маршрутом, которым обычно ходил и я. На берегу несколько девушек стирали белье – дружно колотили рубахи и штаны деревянными валиками, поливали водой, топтали босыми ногами, громко смеясь и переговариваясь. Увидев меня, они захихикали еще громче, а самая смелая помахала рукой. Я улыбнулся и махнул в ответ.

На окраине поселка мальчишки запускали воздушных змеев. Их крылья реяли в воздухе, крепко соединенные с землей тонкими бечевками. Ветер держал их в небе и слегка дергал иногда, словно проверяя на прочность удерживающие их нити.

Последним, кто видел меня, – были глаза верховного божества, смотрящие с бело-снежной ступы. Они внимательно и в то же время отрешенно наблюдали за всеми проходящими мимо. Выцветшие разноцветные флажки, похожие на воздушных змеев, дрожа на ветру, снова и снова посылали в небо безмолвные молитвы.

Я прошел под высокими воротами с красной крышей, как всегда, крутанул тяжелый резной барабан. И услышал, как он грохочет мне вслед, поскрипывает и звякает, задевая медный колокольчик, подвешенный рядом.

Глава 3

Лукула

Дорога резко уходила под уклон, я вышел на очередной отрезок трека, ведущий к цели моего пути через несколько менее крупных селений.

Я шагал, обгоняя туристов, пропуская эбо и носильщиков, привычно срезая путь по узким тропам, а сам думал о том, что сказала Кира.

Многое в ее словах было правдой.

Люди, которые меня окружали, – красивые и не очень, сильные, выносливые, хрупкие, умные, глупые, домоседы и путешественники, – все они не имели души. Того, что называется душой. Той самой искры, которая приносит боль и счастье, умеет любить, сопереживать и страдать, а также вызывает неудержимое влечение у тех, кто не имеет этого огня.

В какой-то старой сказке еще ребенком я читал, что раньше души были у всех. Они попадали в человеческое существо из волшебного источника сразу при рождении. Но однажды произошла катастрофа, родник был засыпан, и теперь лишь крошечные «капли» просачиваются наружу из-под груды камней, и редкие люди получают души. Прочие остаются «пустыми». Они могут жить, ходить, разговаривать, смеяться и никогда не узнают, чего лишились.

Существование их было ровным, сытым, размеренным, рациональным... до тех пор, пока рядом не оказывался тот, кто был наделен душой.

Наш дар – благо и проклятие одновременно. Он безудержно притягивает людей, лишенных души. Сами не зная почему, они начинают испытывать неукротимое влечение к таким, как мы. Хотят, чтобы мы были рядом всегда, каждое мгновение, и... стараются уничтожить. Неосознанно, конечно.

Уолт говорил, что в древности на таких, как мы, велась целенаправленная охота. Люди, лишенные души, убивали нас, для того чтобы извлечь из наших тел эту самую невидимую субстанцию и попытаться перенести в собственное тело. Естественно, из этого ничего не получалось. И в эпоху расцвета просвещения подобные эксперименты прекратились. Сейчас никому в голову не придет пить кровь людей, наделенных душой, или принимать за эликсир из их высушенных сердец. (По преданиям, душа, или ханса, как называли эту нематериальную сущность кайлатцы, находилась именно в этом органе и распространялась с током крови по всему телу.) Но так или иначе нас все равно подталкивали к гибели.

Лишь люди, наделенные душой, могли создавать нечто оригинальное. Такое, как настоящие, волнующие произведения искусства, которые столь ценны в нашем обществе. Картины, скульптуры, здания редкой красоты, изысканные ювелирные украшения, стихи и проза... с каждым годом их творцов оставалось все меньше. И хотя с произведений снимались многочисленные копии, все они были тщательно выполненными, но... бездушными. Поэтому подлинники ценились столь высоко.

Как говорил Уолт, символ нашего мира – математики, доказывающие на улицах теоремы, и зрители, которые платят им за это деньги. Впрочем, в этом он был не прав – математики также должны обладать воображением. И насколько я знал, все основные формулы были выведены и доказаны все теми же обладателями души.

Мой друг Уолтер Брэм был одержим поисками источника душ. Он преподавал этнографию и, в отличие от меня, лингвиста, очень серьезно относился к любому преданию, самому нелепому. Считал, что за каждым мифом, даже совершенно на первый взгляд нелепым, скрывается реальный исторический факт. И мои слова о том, что легендарный Источник – всего лишь красивая сказка, попытка объяснить устройство мира с помощью аллегории, не устраивали его. По мнению Уолта, мифический родник находился именно в Кайлате. Он

хотел уехать сюда. На его поиски. Быть может, остаться тут навсегда. А в итоге его мечты, вместе с обширным архивом, достались мне...

До Лукулы я дошел в конце дня.

По сравнению с деревушками на остальном маршруте этот поселок был центром культуры.

Здесь находился настоящий ирландский паб, несколько кофеен, почта, отели с горячей водой в каждом номере и самое главное – аэропорт. Маленькие самолеты с утра до вечера сновали между Лукулой и Кантипуром – столицей Кайлата, перевоза туристов и грузы. Взлетная полоса была настолько короткой, что самолет, проехав по ней четыреста шестьдесят метров, практически падал в пропасть и лишь затем, натужно ревя моторами, поднимался на безопасную высоту, чтобы успеть проскочить над соседними вершинами и не воткнуться в них носом. Посадка проходила так же экстремально. А если на гору вдруг напоздало облако, пилоты теряли ориентиры – и машина разбивалась о скалы.

Поэтому, как только начинался дождь, сильный ветер или садилось солнце, на короткую взлетную полосу опускалась тишина. Полеты отменялись до следующего дня. Как сейчас.

Был еще один аэропорт, выше, в Кхуджуне, с гораздо более удобным заходом на посадку. Но им уже десяток лет не пользовался никто, кроме спасателей. Жители деревень, находящихся внизу, взбунтовались, когда поняли, что туристы могут высаживаться сразу на четырех тысячах и не будут останавливаться в их лоджах, а значит, на трекерах они не зарабатывают ни рупии. Кхуджунский аэропорт закрыли. А Лукула процветала.

Горы, окружающие поселок, сегодня заволокли низкие тучи, и от этого казалось, что по городку ползает вечерний сумрак. Где-то за домами кричал петух, слышалось приглушенное звяканье колокольчиков эбо.

Туристы, перебираясь из одного ресторанчика в другой, посматривали на склоны гор, поросшие лесом, – но ледяные пики Кариотинга, Кзум Кангури и Гонгхла, особенно хорошо видимые на этой точке маршрута, были плотно укутаны облаками.

Больше всего трекеров скопилось возле офиса местной авиакомпании. Они пытались забронировать себе места на самолеты, вылетающие завтра, – чтобы не сидеть в Лукуле лишний день, два или неделю.

Я здоровался с многочисленными знакомыми, но не останавливался, чтобы поговорить.

Мне навстречу попался Шарма – один из местных «баронов», заправляющих продажей авиабилетов. Почти все они проходили именно через его руки, и этот кайлатец мог помочь любому улететь в нужное время. Он быстрым шагом направлялся к офису компании, а за ним почти бегом следовали два туриста, мечтающих попасть в завтрашний самолет.

Шарма кивнул мне на ходу, всем своим видом показывая, что чрезвычайно занят. Впрочем, я никогда не вызывал у него особого интереса, ведь я не собирался улетать из Кайлата...

Нужный мне паб находился в центре городка. Не заходя в лодж, где обычно останавливался после похода в горы и жил в зимние месяцы, я ввалился в бар с рюкзаком, грязный и всклокоченный.

Здесь не было верхнего освещения, сизый клубящийся полумрак разбивал лишь режущий глаза белый свет за стойкой. На одной из стен висела футболка с дарственной надписью знаменитого певца из цивилизованного мира, когда-то посетившего эти места, на другой – светились неонам разноцветные лампы.

Давно знакомый бармен радостно поприветствовал меня. Я кивнул ему в ответ, высматривая того, кто уже давно должен был меня ждать.

Ричард сидел за дальним столиком у стены, потягивая коктейль чудовищного синего цвета. После замызганных местных жителей он выглядел настоящим эстетом в безупречной рубашке цвета лососины и новом сером костюме. Как будто за несколько секунд перенесся сюда из дорогого ресторана на Свит-авеню. Стильные очки в стальной оправе отражали свет огоньков барной стойки. Темно-каштановые волосы аккуратно причесаны. Узел галстука ни на миллиметр не сдвинулся с положенного места между острыми углами воротничка. Впрочем, и говорил он так же – безукоризненно правильно, и если даже добавлял в речь намеренно сниженную лексику, та звучала с аристократичной изысканностью.

Увидев меня, он демонстративно поморщился, выражая неудовольствие моим внешним видом, и слегка выдвинул соседний стул.

– Опоздываешь, – сказал мой агент вместо приветствия. – Ты должен был прийти еще вчера.

Я подошел, сбросил свою поклажу на пол и сел, вытянув гудящие от усталости ноги.

– Пришлось задержаться.

– Надеюсь, это оправданное опоздание?

– Пять камней по сорок карат очень чистой воды, десять по двадцать, двенадцать по шесть и однокаратная мелочь...

– Неплохо. – В карих глазах Ричарда вспыхнули довольные огоньки. Он оглянулся на бармена и жестом подозвал его. – Еще одну «Клубную Маргариту» и коньяк для моего друга.

Пока не принесли заказ, он молча постукивал пальцами по столу, подсчитывая доходы, которые принес ему мой очередной поход в горы. Я отдыхал, поглядывая по сторонам.

С трудом представляю, как этот шеголь мог оставить свою отлаженную жизнь в цивилизованном мире и переселиться в крошечный городок на окраине земли. Впрочем, сюда он прилетал всего на пару дней, остальное время проводил в Кантипуре, где проживал в лучшем отеле, окруженный очаровательными служанками и покорными слугами из низших каст, готовыми выполнить любую его прихоть. Возможно, древняя кровь аристократа вызвала к тем эпохам, когда в своем родовом замке господин мог по желанию казнить и милловать любого, не отвечая ни перед кем и постоянно чувствуя свою безграничную власть. Здесь он наслаждался полной вседозволенностью за небольшие деньги.

– Ну, давай выпьем за наше дальнейшее плодотворное сотрудничество, – сказал Ричард, когда перед нами поставили бокалы.

Я заметил, что он старается выглядеть беззаботным и довольным жизнью, но его явно что-то беспокоило.

– Ты был на перевале Мингбо-Ла? – спросил он, как бы между прочим.

– Был.

– Дорогу хорошо знаешь?

– Неплохо. А что?

– Несколько моих друзей хотят сходить туда. Посмотреть на местные святыни, искупаться в озере. Но им нужен проводник.

Он замолчал, выжидательно глядя на меня поверх стеклянной стенки.

– Ты же знаешь, я не вожу группы, – ответил я так, как всегда отвечал на подобные предложения.

– Один раз мог бы сделать исключение, – поморщился он.

– И я бы не советовал им идти туда в это время. Снег там бывает в любой сезон. А сейчас каждый день может налететь буран.

– Но ты же понимаешь, что им до лампочки наши советы, – усмехнулся мой агент. – Они платят деньги. Действительно хорошие деньги. А тебе, как я знаю, они нужны. И заработать их очень легко. Вместо того чтобы мотаться как безумный по треку, прогуляешься

в спокойном темпе, расскажешь что-нибудь про горы, какие-нибудь предания... К тому же одна из них – известная фотомодель. Так что тебе будет на что посмотреть.

Я подумал о том, что еще не видел женщин красивее Тиссы и вряд ли увижу. Так что его замечание вызвало у меня лишь скептическую улыбку.

– Лучше бы ты предложил кого-нибудь из местных.

– Они не хотят местных, – посетовал Ричард, поправляя запонки на безупречных манжетах. – Я сказал, что ты бывший профессор. Занимался Кайлатом, теперь живешь здесь, изучаешь местные нравы и обычаи. Все знаешь об этой земле и будешь прекрасным гидом. Они заинтересовались.

– Что еще ты им наплел?

– Слушай. – Ричард придвинулся ближе, глядя мне в лицо честными глазами из-под тускло поблескивающих стекол очков. – Я помню твою позицию – тесно не сходить с людьми и, поверь, уважаю ее. Но это дело очень много значит для меня. Один из этих туристов... в общем, не вдаваясь в подробности, мы с тобой фактически работаем на него. Он получает твои камни, и от него зависит, насколько выгодно они будут проданы. Думаю, ты понимаешь, как нам важно выполнить его просьбу. Кроме того, они все равно пойдут. С тобой. Или с кем-нибудь другим... – с легкой досадой, относящейся к работодателю, заметил он. – Но я буду уверен, что ты точно доведешь их до места и вернешь обратно. А деньги, повторяю, тебе нужны. Как и мне. В общем, я считаю, это отличное предложение. Они остановились в отеле «Кайлат». Как только ты согласишься, я обозначу для них время встречи.

– Местные не любят, когда туристы ходят по тем тропам.

– Но ведь ты можешь с ними договориться. Тебя все здесь знают. – Его голос звучал уже менее настойчиво и уверенно. Ричарду было известно, что, если я, по его выражению, «упрусь», переубедить меня невозможно.

– Я не поведу их, но могу поговорить, проконсультировать, объяснить, как себя вести, найти хорошего проводника, проверить их аптечки и посоветовать, какие лекарства взять с собой.

– Ладно, – отозвался он без энтузиазма, – это лучше, чем ничего, но если ты передумаешь...

– Сколько человек?

– Трое, – быстро ответил агент, боясь спугнуть мой интерес. – Мистер Джейкоб и двое его друзей. Женщина и мужчина.

– Как у них с физической подготовкой?

– Средне, – поразмыслив мгновение, сказал он.

– Снаряжения много?

– Много, – признался компаньон. – Сам понимаешь, часть пути можно останавливаться в лоджах, а дальше пойдут дикие места, придется ночевать в палатках, а они все привыкли к комфорту.

– Значит, им придется брать эбо с погонщиком.

– Ну, это ты уж сам решай, – отозвался мой агент. – Когда встретишься с ними, обговоришь маршрут, вознаграждение для гида и все такое прочее. А теперь давай обсудим наши с тобой дела.

Я снял с шеи мешочек и бросил в его ладонь. Следующий час прошел в оценке камней и подсчете их стоимости.

Когда я вышел из бара, с гор уже сползли густые сумерки. Улица стала похожа на темное узкое ущелье, но рядом с каждым домом зажегся фонарь, отпугивающий тьму. А окна интернет-клубов светились, словно огромные аквариумы. Все места у компьютеров были заняты.

Я вошел в «Кайлат» и сразу увидел дочь хозяйки, сидящую за деревянной стойкой. Стена с ключами за ее спиной была практически пуста – все номера заняты. Девушка приветливо улыбнулась мне, потом состроила смешную гримасу, видимо означающую ее отношение к новым постояльцам, и показала пальцем наверх. Я кивнул в ответ и стал подниматься по лестнице.

Будущих трекеров я нашел на втором этаже в просторном, жарко натопленном обеденном зале. Они сидели за общим столом, спиной к большим панорамным окнам, за которыми виднелись горы, уже тонущие в ночной дымке. Четвертый стул, явно приготовленный для меня, стоял с другой стороны, напротив.

Я направился к ним, рассматривая и пытаюсь составить первое впечатление.

Грузный, начинающий сесть мужчина в дорогом спортивном костюме утирал платком потеющий лоб. Вероятно, это и был мистер Джейкоб. Он выглядел как человек, привыкший отдавать приказы, и, более того, было очевидно – не испытывал сомнений в том, что их выполнят. Он напомнил мне боксера в среднем весе, который давно ушел с ринга и пренебрегает физическими упражнениями. Лицо его с неправильными чертами – широким, чуть приплюснутым носом, светлыми бровями над пронзительными бледно-голубыми глазами и ртом с красными, полными губами – было на редкость запоминающимся. Не исключено, что я видел его прежде в каком-то журнале о бизнесе.

Мужчина что-то говорил своему соседу – широкоплечему атлету в обтягивающей футболке. Тот смотрел карту, расстеленную на столе, и на вытянутом лице с близко посаженными глазами и немного деформированным носом не отражалось никаких эмоций.

Я перевел взгляд на девушку и застыл. Туристы уже заметили меня, но слова приветствия, которые я собирался произнести, застряли у меня в горле. Стройная блондинка с гривой пушистых волос, небрежно повязанных шелковым платком, одетая в белый свитерок с узором в виде переплетающихся голубых змей, небрежно опираясь о стол, смотрела на меня с высокомерным торжеством в темно-синих глазах.

Она хорошо подготовилась к этой «внезапной» встрече. Я – нет. Тисса... та самая Тисса, которую я вспоминал весь последний день, словно материализовалась из моих мыслей и теперь сидела, улыбаясь легкой насмешливой улыбкой, покачивала стройными ногами, обтянутыми светлыми брюками, и явно наслаждалась моим ошеломлением.

У меня в голове заметался десяток мыслей. Как она здесь оказалась? Почему именно сегодня? И реальна ли вообще?

– Вы, должно быть, наш гид? – спросил, поднимаясь из-за стола, грузный мужчина. – Я – Франк Джейкоб. Можно просто Джейк.

Я должен был сказать, что пришел только для того, чтобы проконсультировать их, но, глядя на Тиссу, не смог этого сделать. Наконец стряхнул с себя наваждение, оторвал взгляд от лица девушки, улыбнулся, пожал его горячую, сухую и неожиданно жесткую ладонь:

– Рад познакомиться. Меня зовут Райн.

– Это мои друзья. – Джейк тяжело опустился на свое место и жестом предложил мне сесть.

– Дик. – Атлет приподнялся, небрежно протянул мне руку.

– Тисса, – мягко произнесло мое видение, и в ее глазах, вновь притянувших мой взгляд, закружились крошечные сапфировые искорки. Она совсем не изменилась, даже, кажется, стала еще красивее.

– Ричард очень хорошо отзывался о вас, – сказал Джейк, вновь возвращая меня к реальности. – Он сказал, что вы отлично знаете все маршруты и не раз ходили к перевалу Мингбо-Ла.

– Это так, – ответил я.

– Вы сможете довести нас туда, – вмешался Дик, и в его голосе прозвучала не просьба, а распоряжение.

В его чуть сглаженном провинциальном говоре согласные звучали тверже и резче, чем нужно, а ударение на некоторых словах ставилось слишком сильно. И эта особенность произношения сказала мне больше, чем его внешность или одежда. Парень из низов, у которого не было времени или желания учиться, но он сумел найти богатого покровителя и теперь изо всех сил сам хочет казаться состоятельным и влиятельным.

– Смогу, – вежливо, но прохладно отозвался я. – Если вы действительно уверены, что вам это нужно.

– А зачем, ты думаешь, мы притащились сюда?

– Я в некотором роде главный в нашей группе, – вмешался Джейк. – В основном по части финансов. А что касается физической подготовки... – он рассмеялся и погладил себя по круглому животу, – а также снаряжения и всего прочего – в этом специалист Дик.

Тот усмехнулся самодовольно, высокомерно глядя на меня.

– Сколько у вас дней? – спросил я, стараясь не смотреть на Тиссу.

– У нас обратные билеты с открытой датой, так что сколько угодно, – беззаботно ответил он.

И этот обманчиво мягкий, хорошо поставленный голос с проскальзывающей временами легкой, едва заметной неправильностью почти против моей воли вызвал в моем воображении целую вереницу мгновенных ассоциаций. Этот человек не заканчивал престижного университета, да и в школе вряд ли проучился больше восьми классов. Рано пошел работать и построил свою ювелирную империю исключительно упорством и стремлением к власти. Впоследствии частные учителя постарались научить его правильно говорить, играть в гольф, стильно одеваться и разбираться в сортах вин, но на самом деле Джейк изменился очень мало, приобретя лишь внешний лоск. И наверняка предпочитал белому «шабли» с устрицами – кружку пива, отбивную и гору жаренной до хруста картошки.

– Могу предложить вам такой маршрут. – Не спрашивая разрешения Дика, я придвинул к себе его карту и вынул из кармана блокнот с карандашом. – Завтра мы остаемся здесь. И я веду вас на небольшую прогулку. Поднимемся метров на двести для адаптации и спустимся...

– Почему мы не можем пойти дальше уже завтра? – спросила Тисса.

Мне всегда нравился ее голос. Мягкий, бархатный и теплый, словно мех. С искорками смеха, или глубокими омотами чувственного призыва, или с колючими шипами насмешки. Очень запоминающийся. Сейчас он был вкрадчивым и текучим, как мед.

– Во-первых, мне нужно найти того, кто понесет ваши вещи, – сказал я, стараясь не обращать внимания на магию этого уникального голоса. – Портеров или эбо. А во-вторых... вы прилетели сегодня?

– Да.

– Значит, завтра вряд ли будете способны на долгий переход.

– Это отчего же? – скептически осведомился Дик.

– Слишком большой перепад высоты. Сразу на две тысячи восемьсот метров. Нужно адаптироваться.

– Ладно, – примирительно сказал Джейк. – Вы наш гид. Значит, вам виднее.

Он рассмеялся, видимо, ситуация, в которой ему приходилось подчиняться кому-то, кроме себя, казалась ему забавной.

– Тогда давайте просчитаем наш маршрут по дням.

Путешественники заинтересованно придвинулись ближе, я уловил аромат духов Тиссы. Очень знакомый. Зеленый мох и лесные лилии. Если они пойдут к перевалу, я не смогу доверить ее безопасность кому-то другому.

Через час споров и обсуждений, с учетом всех остановок и ночевки, а также осмотра достопримечательностей, мы получили конечный маршрут, который занимал двадцать пять дней.

Дик выразил недовольство таким количеством времени.

– Тащиться пешком полмесяца?

– Половина месяца – это пятнадцать дней, а не двадцать пять, Дик, – мягко, с едва уловимой усмешкой произнесла Тисса.

Но он не заметил ее легкого сарказма.

– Почему так долго? Тут вообще транспорт какой-нибудь есть? Доехать можно?

– Нет, – ответил я, складывая карту. – Здесь нет дорог. Но даже если бы они были – нам лучше подниматься пешком, чтобы адаптироваться к высоте.

– Я слышал, можно арендовать вертолет, – сказал Джейк.

– Можно. Только если вас забросят сразу на четыре тысячи, вы свалитесь с горной болезнью.

– А как перемещаются местные? – спросил Джейк. – Например, отсюда до столицы?

– Пять дней спускаются до Дхири, затем десять часов едут на автобусе.

– Почему не на самолете?

– Слишком дорого.

– Живут как в каменном веке, – буркнул Дик презрительно.

– Ладно, мне все ясно. – Джейк обвел взглядом своих друзей, недвусмысленно давая им понять, что его все устраивает.

– Я снял вам комнату в этом отеле, Райн, – сказал он мне. – Будет проще, если вы всегда будете рядом, и во время трека тоже. И вот еще что, я слышал, что оплату за ваши услуги нужно делать сразу, но я предпочитаю платить только после сделанной работы. – Он написал несколько цифр в своем блокноте, вырвал лист и передал мне. – Этого вам будет достаточно?

На миг я словно оказался на собеседовании в крупной корпорации, где никогда не произносят вслух сумму гонорара, записывая ее на бланке дорогой мелованной бумаги, и подают через широкий стол претенденту на должность. И это было неожиданное ощущение. Сумма, которую мне предлагал Джейк, являлась внушительной. Гораздо больше той, что обычно получали гиды.

– Да, вполне достаточно.

– Значит, мы договорились.

– Да. – Я поднялся. – Встретимся завтра. Я зайду за вами в девять.

Комнаты в отеле действительно были отличными. С отдельными ванными, а не общей на этаже. Водой, текущей из кранов постоянно, а не по часам, и уж точно здесь не было ведра с кипятком, которое выдавалось только лично хозяином лоджа – что практиковалось почти на всем треке. С широкими кроватями и электрическими розетками, не заклеенными скотчем, так что гость мог в любое время заряжать аккумуляторы фотоаппаратов или подключать компьютер, не платя по минутам за израсходованную электроэнергию. И даже с шерстяными одеялами.

Сначала я забрался в настоящий горячий душ, потом разобрал свой рюкзак, проверил содержимое аптечки, отметив, что в следующий раз надо попросить Ричарда достать еще препаратов от горной болезни, а завтра – узнать, какое снаряжение у моих подопечных и достаточно ли лекарств.

От этих размышлений меня отвлек стук в дверь. Я открыл и увидел Тиссу.

– Извини, если помешала, – произнесла она мягко. – Можно войти?

Я посторонился, пропуская ее в комнату.

– Ты стал похож на худую панду.

Она протянула руку, обвела кончиком пальца светлые, незагорелые круги у моих глаз, оставшиеся после горных очков. И я почувствовал, как кожа горит от этого легкого прикосновения.

– И когда ты стригся в последний раз?

– Как ты меня нашла?

– Вскрыла твой сейф, – невозмутимо ответила Тисса. – Там была куча документов про Кайлат, схемы маршрутов. Навела справки. У Джейка много друзей в посольствах...

– Зачем ты приехала?

– Подняться к Мингбо-Ла. Ты же слышал.

Она была почти одного роста со мной. То есть довольно высокая для девушки. И ее глаза были практически на уровне с моими. Их взгляд обшаривал мое лицо с жадным любопытством.

– А знаешь, ты изменился. Стал как будто жестче.

Тисса улыбнулась довольно, отвернулась и прошлась по комнате, рассматривая мои немногочисленные вещи, касаясь рукой то рюкзака, то куртки, висящей на крючке, то проводя ладонью по спальнику, словно ставя свою невидимую печать. А я смотрел на нее, узнавая эти грациозные движения, наполненные силой и скрытой энергией.

– Ты живешь один?

Я промолчал. Ответ на этот вопрос не требовался.

Она села на мою кровать, и ее темно-сапфировые глаза в тусклом свете стали почти черными.

– Ты все еще злишься на меня?

– Я никогда не злился на тебя.

– Тогда почему уехал? Только не говори, что на поиски этого дурацкого источника! – Тисса потрянула головой, и ее белые волосы мягкой волной колыхнулись по плечам. – Тебе же известно, что его не существует. Это легенда, точно такая, как святой Грааль и меч в камне. Уолтер тоже знал. Просто не хотел, чтобы ты умер, как многие до тебя.

– Пока я жил здесь, нашел немало реальных подтверждений правдивости многих легенд.

Она недоверчиво улыбнулась, однако больше не стала спорить.

– Не хочешь спросить, как живу я?

– Как ты живешь, Тисса?

– Прекрасно. Джейк очень богат, влиятелен и нуждается во мне. А я очень счастлива.

– Я рад за тебя.

– Я тоже рада за себя.

Она внимательно вглядывалась в мое лицо, пытаясь увидеть тень ревности или хотя бы огорчения, но, так ничего не заметив, сказала:

– Что ж, приятно было поболтать. Увидимся завтра.

– Спокойной ночи, Тисса.

– Спокойной ночи, Рай.

Когда за ней закрылась дверь, я с силой провел по лицу обеими руками. Еще можно было отказаться от роли гида. Но я знал, что не смогу сделать этого.

...Мне снова снился сон, который часто приходил в последнее время. Как будто тело мое сложено из камней и так тяжело и неповоротливо, что я не могу заставить себя подняться. Я лежу среди травы, а из моей груди бьет родник, вода стекает на землю, размывая гранит.

Я не могу ни говорить, ни дышать, кажется, мое горло и легкие набиты песком. Я с трудом поворачиваю голову и вижу, что вокруг много таких же камней. Некоторые почти совсем

рассыпавшиеся, раскрошившиеся, между их осколками растёт трава и бегают муравьи. Другие – более целые, но все их размывает вода. Она струится в одном направлении, падая в широкую, глубокую чашу. А совсем рядом со мной валяется каменная гряда, я угадываю в ней очертания человеческого тела, в бесформенном валуне различаю лицо и узнаю Уолта...

Я проснулся от собственного кашля, резко сел на кровати, пытаюсь отдышаться.

Солнце только что встало. В утреннем холодном сумраке уже слышались привычные звуки пробуждающегося поселка. Хлопали двери, позвякивали колокольчики эбо, раздавались резкие голоса погонщиков, крики, плач детей и бесконечное «уп-уп-уп» междугородней связи, которую предоставляли всем желающим. Столик с телефоном обычно стоял прямо на обочине дороги, и несколько девушек за умеренную плату помогали туристам связаться с цивилизованным миром.

Я выбрался из спальника и стал быстро собираться. Дел сегодня было много.

Прежде всего я отправился к Тшерингу. Судя по тому, что за редким забором, окружающим его дом, паслись два белых эбо, их хозяин был дома. Он не заморачивался особо, выдумывая имена, поэтому зверей звали просто – Первый и Второй.

Оба ухоженные, с расчесанными косматыми гривами, в которые вплетены красные тряпочки и колокольчики. Они были ниже и меньше своих высокогорных собратьев, но не менее выносливы. Первый настороженно уставился на меня и угрожающе наклонил лобастую голову. Второй, более дружелюбный, подбежал, издавая низкие утробные звуки, напоминающие хрюканье, и просунул широкий черный сопящий нос между досками изгороди. Я невольно полез в карман за хлебом, хотя помнил, что их владелец не одобряет, когда его подопечных кормят посторонние.

– Эй, ты! – тут же послышался сердитый голос. – А ну не давай ему ничего!

Я повернулся к разгневанному кайлатцу. Прихрамывая, он спешил ко мне, явно собираясь устроить непрошеному кормильцу его зверей хорошую взбучку. Но, узнав меня, тут же расплылся в довольной улыбке.

– Намаскар, Тшеринг.

– Намаскар, Рай-джи, – весело откликнулся он, – проходи. Долбат как раз готов.

– Спасибо, но, к сожалению, не могу. Я по делу.

Пока я рассказывал, что мне нужно, кайлатец внимательно слушал, прищурив черные глаза, и в его голове шла усиленная мыслительная работа.

Выслушав мое предложение, он конечно же немного поломался, рассказывая, что только вчера получил очень выгодное предложение – сопровождать экспедицию к Минг-Ла, и как много ему за это обещали. Но если я заплачу вдвое, то, может быть, дней через пять он попробует что-нибудь сделать.

Тшеринг говорил на смеси двух наречий – горкхали и парбатия, которая поставила бы в тупик любого лингвиста. Казалось, цель его – выпалить за минуту как можно больше слов, опуская все гласные звуки. В начале нашего общения я понимал лишь одно слово из десяти. Потом сообразил, что разобраться в этой чехарде букв можно только одним способом – угадать, о чем именно он хочет сказать, по выражению его подвижного лица. Однако затем научился понимать и эту бодрую скороговорку.

– Слушай, Тшеринг, – сказал я, наконец устав от его вранья. – У меня нет времени торговаться и препираться с тобой. Если отказываешься, так и скажи.

– Когда пойдем? – тут же деловито осведомился он.

– Завтра с утра.

– Ладно. Мы с ребятами будем готовы.

И, довольный неожиданным заработком, который ему конечно же был нужен, отправился домой...

Когда я вернулся в отель, мои подопечные уже завтракали. Вернее, пытались это делать.

Бледная Тисса с темными тенями вокруг глаз массировала ладони. Дик мрачно ковырял тосты с яичницей, а Джейк, поминутно вытирая потное лицо, прикладывался к вместительной кружке.

– Доброе утро, – бодро поприветствовал я их. – Как настроение?

Ответом мне были выразительные, хмурые взгляды.

– Все время немеют пальцы, – задумчиво произнесла Тисса, рассматривая свои изящные ладони.

– На высоте клетки плохо снабжаются кислородом. Ты пила какие-нибудь витамины перед поездкой?

Она поморщилась, но ничего не ответила, снимая кольца и небрежно убирая их в карман.

– Может быть, нам лучше пойти гулять завтра? – предложил Джейк с тяжелым вздохом.

– Лучшая профилактика от всех недомоганий сейчас – движение. Идемте.

Они не желали тащиться ни на какую прогулку, а хотели остаться в относительно уютном отеле. Но уговорами, обещаниями и настойчивыми требованиями мне удалось поднять их и вывести на улицу.

После этого я остановился на площадке перед отелем.

– Прежде чем мы отправимся на трек, я хотел бы, чтобы вы запомнили несколько правил, которые нельзя нарушать.

Я дождался, пока внимание всех троих сосредоточится на мне, и продолжил:

– Первое. Как только кто-то почувствует себя плохо – он сообщает об этом мне. Сразу, не дожидаясь ухудшения.

– Ясно, – сухо отозвался Джейк, надевая черные очки. – Дальше.

– Второе. Мы рассчитываем свой путь так, чтобы до темноты оказаться под крышей.

– Это зачем? – спросил Дик, поднимая штатив для фотоаппарата и укладывая его на плечо.

– В горах много зверей, – сказал я, не вдаваясь в подробности. – Третье. Вы не срываете местные растения и плоды, какими бы привлекательными и безопасными они вам ни показались. Среди них могут быть ядовитые. Воду из рек пить тоже нежелательно.

– Ладно, хорошо. Мы все поняли, – недовольно буркнул Джейк, которому уже надоело пребывать в роли ничего не знающего, неопытного путешественника. – Идем.

Я повел их вверх, к тропе.

Воздух был наполнен гулом моторов – самолеты один за другим садились на маленький аэродром, выгружали грузы и туристов, дожидались, когда рассядутся новые пассажиры, а затем снова взмывали в небо. Издали они были похожи на стрекоз – такие же легкие и стремительные.

Солнце ярко освещало долину, в которой расположился поселок. Начинало припекать. Женщины, воспользовавшись теплыми часами, вытащили за порог домов детей и принялись мыть их в глубоких тазах. Мыльная вода лилась по улице, стекая в глубокую канаву, прикрытую неровными каменными плитами. Дети, не слишком привыкшие к подобной процедуре, вопили, но их продолжали тереть, не обращая на протесты внимания.

Джейк остановился, чтобы сделать несколько снимков, потом положил руку на плечо Тиссе, наклонился к ней, шепнул что-то на ухо. Девушка рассмеялась, а я сказал не без удовольствия:

– Да, вот еще одно правило. Постарайтесь не демонстрировать прилюдно привязанность к лицу противоположного пола.

Они оба обернулись с одинаковым изумлением на лицах. Дик, идущий сзади, злорадно хмыкнул и спросил насмешливо:

– Это почему?

– В одной из местных легенд говорится о воплощении высшего существа – жестокой богине. Она ненавидит, когда к женщинам относятся неуважительно, считает любое прикосновение – попыткой связать их свободу. И строго карает за это.

– А если женщина сама прикоснется к мужчине? – с легкой улыбкой спросила Тисса.

– Ее могли к этому принудить, – заметил я, улыбаясь в ответ. – И обычно потусторонняя сущность не разбирается в подобных тонкостях.

– И что она сделает? – скептически осведомился Дик.

– Я бы не советовал проверять, – дружелюбно порекомендовал я.

Джейк недоверчиво покачал головой, но руку с плеча Тиссы убрал.

– А демонстрация привязанности к лицу своего пола приветствуется? – ехидно спросил Дик, косясь на Тиссу.

– Сколько угодно, – кивнул я равнодушно и заметил злорадную улыбку на его лице.

Тропа, ведущая в гору, начиналась недалеко от ворот, стоящих в конце поселения. Справа от нее поднимался крутой склон, слева, в нескольких метрах от нас, весело шумела горная речка. Дожди обычно размывали ее, но сейчас уже давно стояла сухая погода, и мы поднимались легко. Относительно легко. Эта прогулка была нужна мне еще и для того, чтобы проверить выносливость моих спутников.

– Как называется река? – спросил меня Джейк, оглядываясь.

– Мусе Кхола.

– Смешное название, – прокомментировал он и принялся взбираться вверх.

Сначала Тисса шла довольно бодро, хотя и выглядела бледнее обычного. Но затем начала отставать. И, зная ее упорный характер, я понимал, что она скорее загонит себя, чем признается в собственной внезапной слабости. В цивилизованном мире она была великолепной лыжницей, занималась дайвингом, прекрасно плавала, обгоняя на дорожке многих мужчин, но здесь высота отнимала значительную часть ее сил.

Джейк периодически останавливался, чтобы сделать несколько фотографий окрестностей, и Дик тут же оказывался рядом, услужливо разбирая штатив или держа фотоаппарат.

Я видел, что это порядком раздражает Тиссу.

– Не спеши, – сказал я ей негромко, заметив, как прерывисто она дышит. – Мы всего лишь гуляем. Тебе просто нужно адаптироваться к высоте, а не ставить рекорд по скалолазанию.

– Не думала, что сразу будет так тяжело, – ответила она, развязывая шелковый платок на шее под ветрозащитным жилетом. Голос ее звучал тускло и глухо.

– Ты привыкнешь. Даже удивишься, как быстро. Голова не болит?

– Нет. – Она улыбнулась, глядя на меня сквозь темные очки. – Ты так заботлив... и всегда был таким. Это очень странно. Я уже отвыкла и не хочу привыкать снова.

– Эй, Райн, – прозвучал голос Джейка. – Что там, на склоне?

Я взглянул в сторону, куда он показывал. Среди темной зелени горы ярко белело сооружение, напоминающее сферу с конусом наверху. Глаза верховного божества Кайлата смотрели с нее в пространство над поселком, а разноцветные молитвенные флаги весело бились на ветру.

– Это ступа. Молитвенное сооружение.

– Мы хотим подняться к нему.

– Нет, слишком высоко.

– Она совсем рядом, – отозвался Дик, глядя вверх. – Полчаса туда – полчаса обратно.

– Обманчивое впечатление, как всегда в горах. Я не хочу, чтобы вы перенапрягались перед завтрашней дорогой. И кроме того, местные не любят, когда туристы ходят туда.

Оба мужчины уставились на меня так, словно я сморозил редкостную глупость. Их явно не волновали предпочтения кайлатцев. Они переглянулись и одновременно пожали плечами.

– Ну а на ту сторону реки мы хотя бы перебраться можем? – поинтересовался Дик. – Надеюсь, на это местные не обидятся?

Последнюю фразу он произнес с величайшей издевкой и, не слушая ответа, зашагал вперед.

По скользким камням мы перешли на другой берег. Джейк хотел зачерпнуть воды, чтобы напиться, но, вспомнив мои предостережения, не стал этого делать.

– Вода в реках что, тоже ядовитая? – осведомился он скептически.

– Нет, если вы не имеете ничего против мыла. – Я указал на происходящее вверху по течению.

Там несколько кайлатцев бодро стирали одежду, частично сняв ее с себя, и мылись сами. Вниз плыли хлопья пены, а на прибрежных камнях лежали темно-синие мокрые рубахи.

Джейк поморщился и поспешно вытер ладонь о брюки, Дик пробормотал что-то неловко неприятное по поводу привычек местного населения. Тисса фыркнула.

Тропинка вилась вдоль склона, поросшего кустарником, усыпанным красными ягодами. Мужчины вновь занялись фотографированием. На дорогу выбежала серая ящерка, несколько мгновений смотрела на людей и поспешила шмыгнуть в заросли. Следя за ней, я на секунду выпустил своих спутников из поля зрения и вдруг услышал приглушенный вскрик Тиссы. Оглянувшись, увидел, что девушка замерла, с ужасом и отвращением глядя на что-то рядом с тропинкой, и быстро подошел к ней.

Совсем близко к тропе, в кустах, лежало истощенное существо с тонкими узловатыми руками и ногами, пальцы на которых заканчивались длинными кривыми когтями. На худом теле еще оставались обрывки одежды. Оно было живо, хотя его глаза уже затягивала белая пленка. Обычно такие забирались глубже в горы, но у этого, видимо, не хватило сил отползти дальше.

– Рай, что это? – прошептала Тисса, крепко сжимая мою руку.

– Возвращайся к Джейку, ладно? – сказал я ей, мягко, но настойчиво заставляя сделать несколько шагов назад. – Иди.

– Об этих зверях ты говорил? – спросила она, глядя поверх моего плеча.

– Да.

– Тисса, что там? – раздался голос ее покровителя. – Что случилось?

– Ничего, – откликнулась она. – Все в порядке.

Еще раз с отвращением оглянулась и пошла вниз.

– Что ты там увидела? – Дик в очередной раз закинул на плечо штатив.

– Какую-то дохлую тварь под кустом. – Тисса передернула плечами. – Если хочешь, иди посмотри. Но тогда, боюсь, сегодняшней ужин не полезет тебе в горло.

Тот что-то проворчал в ответ, и они направились к Джейку, увлеченно фотографирующему соседние склоны.

Почувствовав чужое присутствие, существо открыло глаза, оскалилось, протянуло ко мне когтистую лапу, и я увидел глубокую рану на его груди.

Я не знал – было оно здешним или пришло откуда-то, но был уверен в одном – оставлять его нельзя. Еще одно правило Кайлата, которое я усвоил после похода к Ю-Чой. Если нашел умирающего – добей. Иначе после смерти призрак будет преследовать последнего, кто видел его, и жестоко мстить. Не только ему, но и всем окружающим этого человека. Вот

почему местные жители старались уйти как можно дальше в горы, чтобы умереть в одиночестве.

В прошлый раз я пожалел забившееся в расселину между скал создание и даже старался ему помочь, а ночью мне пришлось отбиваться от злобной твари, пытающейся разорвать на куски и меня, и всех обитателей маленького лоджа, где я остановился. Утром хозяин, забыв о вежливом отношении к иностранцам, весьма подробно объяснил мне, что думает о моем человеколюбии, а также о наличии души в моем теле, которая, по его словам, не дает мне вовремя подумать головой. Больше в этот дом меня не пускали, но я не был в обиде на кайлатца – он не хотел рисковать, не зная, не почувствовал ли я еще кому-нибудь.

Я вытащил нож, оглянулся на спутников – те любовались окружающими склонами и не смотрели в мою сторону. Наклонился и полоснул существо по горлу. Оно захрипело, дернулось и затихло.

Вытерев лезвие о траву, я выпрямился, произнес короткую молитву на горкхали и пошел назад. Ночью о теле позаботятся соплеменники или дикие звери. Это уже не имело значения. По местной вере – внешняя оболочка была не важна, а внутреннюю сущность безмянного умирающего, какой бы злобной она ни была, я уже освободил.

Наверное, эту встречу можно было посчитать дурным предзнаменованием, но я решил пока не торопиться с выводами.

– Хороший нож, – сказал Джейк, когда я подошел ближе, и протянул руку, уверенный, что немедленно получит его. – Можно взглянуть?

– Нет, к сожалению, – ответил я вежливо, но твердо. – Это боевой кухри. Он сделан для меня. И к нему может прикасаться только хозяин. Если его возьмет другой человек, то может пострадать.

– Еще одна странная местная легенда? – растянул губы в неприятной улыбке мужчина.

– Я тоже так думал раньше, пока не увидел, как подобный клинок распорол руку любопытному, пытавшемуся дотронуться до него. Кайлатцы считают, что у этих ножей есть разум.

– Забавно, – произнес мужчина таким тоном, что становилось ясно: он не видит в моих словах ничего комичного. – У них тут, похоже, про что ни возьми есть своя местная сказка.

– Во всех мифах содержится большая доля правды, – ответил я, вновь повторяя высказывание Уолта, с которым раньше не соглашался. – Советую прислушиваться к ним.

– Оставлю вам это сомнительное удовольствие, – усмехнулся Джейк. – Я привык к реальным, проверенным фактам. Но вы рассказывайте, Райн, рассказывайте. Интересно наблюдать и другое представление о мире.

Тисса нахмурилась, переводя взгляд с меня на своего влиятельного друга. Ее явно обеспокоила его реакция на мои слова. Дик откровенно посмеивался.

– Перестань, – шепнула мне девушка, когда мы уже шли обратно.

– Перестать что? – так же тихо спросил я, помогая ей перебраться через каменный завал.

– Ты держишься с ним иронично. Он этого не любит. И все время споришь. Тебе что, жалко было показать ему свой ножик?

– Тисса, неужели ты заботаешься обо мне? – невольно рассмеялся я. – Как это удивительно.

Она сердито мотнула головой и тяжело вздохнула:

– Удивительно то, что даже годы, прожитые в Кайлате, тебя не слишком изменили.

Глава 4

Пхандинг

Утро следующего дня было прохладным, ясным и свежим. Вокруг городка открылись все вершины, видимые на этой высоте, во всем их ослепительном блеске. Но мои подопечные, к сожалению, не видели этого. Минуты шли, а они все никак не могли выбраться из отеля.

Тшеринг, приплясывающий от нетерпения рядом со своими эбо, дергал меня через каждые тридцать секунд:

– Ну, когда уже пойдем? Сколько еще стоять? Все места в лоджах закончатся.

– Не закончатся, – отвечал я ему одно и то же. – Еще есть время, ждем.

Мой рюкзак был прикручен к спине Второго. Эбо дружелюбно поглядывал на меня, потряхивая головой, и принимался к утренним запахам, а более всего к ароматам свежей выпечки, плывущим из окон булочной. Первый угрюмо косился на проходящих мимо трекеров и норовил поддеть острым рогом низкую изгородь.

Когда прошла положенная четверть часа допустимого опоздания, я сказал Тшерингу:

– Ладно, пойду проверю, как они там.

– Если что, не церемонься. Вытряхивай их из кроватей, – напутствовал меня погонщик.

На мой настойчивый стук отозвались не сразу. Я различил приглушенные голоса, звучащие довольно раздраженно. Но не стал вслушиваться. Когда наконец мне открыли, на пороге стоял Дик, явно пребывающий в дурном настроении. Он захлопнул дверь за своей спиной, чтобы я не мог видеть, что происходит в комнате. Впрочем, это не особенно меня интересовало.

– Доброе утро, – сказал я. – Вы готовы?

– Почти, – буркнул он.

– Все в порядке? – спросил я, заметив глубокую складку раздражения, залегшую между его бровей.

– Да. Нормально, – так же отрывисто произнес он.

– Если рюкзаки собраны, Тшеринг погрузит их на эбо и пойдет вперед, чтобы занять места в лодже для ночлега.

– Собраны. Сейчас принесу.

Он попятился, приоткрыл дверь, нырнул в образовавшуюся щель, а я услышал звонкий смех Тиссы и невнятный, но явно довольный голос Джейка.

Спустя минуту Дик вытащил в коридор три объемных рюкзака.

– Я что, нанимался барахло за всеми таскать, – недовольно бормотал он при этом, но так, чтобы босс не разобрал его слов.

Мы вынесли вещи во двор. Тшеринг тут же принялся прикручивать их веревкой к спинам зверей, многозначительно поглядывая на облака, уже затягивающие горы.

– А он точно довезет все куда нужно? – спросил Дик, пристально наблюдая за погонщиком. Тот сделал вид, что не понимает на международном, а сам внимательно прислушивался.

– Да, конечно, это же его работа.

– Ну смотри, если что случится с вещами, отвечать будешь ты, – предупредил меня атлет и направился обратно в отель.

Кайлатец одобритительно похлопал Второго по шее, затянул последнюю веревку и спросил деловито:

– Какой его рюкзак? Этот, синий? Хочешь, уроню в реку или вещи вывалю по всей тропе – пусть идет собирает.

– Не надо, – ответил я, улыбаясь, – это вряд ли поможет исправить его настроение.

Тшеринг пожал плечами, видимо жалея, что я упускаю такую прекрасную возможность отомстить, негромко свистнул, и оба эбо, весело покачивая головами, пошли вперед друг за другом. Колокольчики на их шеях заливались радостным звоном. Ленты в косматых гривах и хвостах переливались всеми оттенками алого.

Мои спутники вышли из дверей, когда Тшеринг и его звери уже скрылись из виду. Все трое были экипированы по последней трекинговой моде – тонкие, но прочные потовыводящие водолазки, походные брюки также с подкладкой из дышащей материи, ветрозащитные жилеты, шляпы с широкими полями от солнца, крепкие, но легкие ботинки с гортексом. Тисса в своем черном костюме, с элегантно-рюкзачком за плечами выглядела так, словно сошла с обложки глянцевого журнала.

– Вы готовы? – спросил я, глядя на девушку, поправляющую на руках перчатки с обрезанными пальцами.

– Да, – ответил за всех Джейк.

Вниз по улице шагали не мы одни. Желających совершить путешествие по тропам Кайлата было немало. Пока я задержался у поста местной полиции, оформляя разрешения для похода по так называемому национальному парку Кайлата для своих подопечных, они оживленно беседовали с несколькими трекерами.

– ...Рай, ты слышал, что произошло? – спросила меня Тисса, едва я приблизился к ним.

– Что?

– Ребята сказали, – она кивнула на молодых людей, которые с любопытством уставились на меня, – вчера пропали несколько человек.

– Пропали? Где?

– На переходе от Намаче до Монджо, – ответил один из них, сдвигая на затылок матерчатую шляпу. – И дорога вроде не сложная. Их искали, но пока не нашли.

– И гид, который шел вместе с ними, тоже как сквозь землю провалился, – сказал второй, рассматривая Тиссу сквозь солнцезащитные очки.

– А кто был их гидом?

Парни пожалы плечами, переглянулись. Они не особо интересовались подобными мелочами.

В молчании мы миновали ворота Лукулы и стали спускаться по длинным ступеням, вырубленным в скале.

– И что, часто здесь люди пропадают? – спросил Дик, удобнее перехватывая рукояти трекинговых палок.

– Случается.

– И по каким причинам?

– Обвалы. Оползни. Дикие звери. Приступ горной болезни. Может закружиться голова, и человек падает в пропасть, – начал перечислять я самые обычные причины гибели людей. – Есть одна местная...

– Опять легенда? – недовольно перебил Джейк, спускающийся следом за мной.

– Нет, – успокоил я его с улыбкой. – На этот раз реальная история. Два друга шли по треку вместе, но поссорились. Один остался ночевать в Монджо, другой направился в одиночку к Пхандингу уже в темноте. И не дошел. Опытный трекер, который знал тропу как свои пять пальцев. На совершенно простом переходе. Его так и не отыскали до сих пор, и никто не знает, что с ним случилось. А тот, с кем он так неудачно расстался, после этого исчезновения организовал службу спасения здесь, в горах.

– Наверное, он был таким же, как ты, – тихо произнесла Тисса. – Стал мучиться угрызениями совести, придумывать, как загладить вину перед покойником, хотя тому уже все равно – будут искать кого-то из пропавших после него или нет.

– Вряд ли, – ответил я серьезно. – Ты же знаешь, такой, как я, не смог бы отпустить друга одного ночью. Даже после ссоры.

Она усмехнулась и больше ничего не сказала.

Спуск закончился. Теперь мы шагали по широкой тенистой дороге, огибающей гору. На ее склонах, выше и ниже, стояли дома, зеленели аккуратные кусочки полей. Кое-где урожай был уже собран, и на серой вскопанной земле лежали кучи бурой картофельной ботвы.

Дик шел впереди, следом Тисса, за ней Джейк, я замыкающим. Первые полчаса дороги меня одолевало странное ощущение – осознание того, что весь этот долгий путь мне придется пройти не одному и я отвечаю не только за себя, но и за людей, которые доверились мне. И кроме того, была непривычна легкость, с которой я теперь шел. За плечами висел лишь небольшой рюкзак с прикрепленными к нему трекинговыми палками. Внутри лежала аптечка и пара бутылок воды вместо обычного тяжелого груза. Но, конечно, в этом были свои плюсы.

Мои спутники сегодня меньше разговаривали. Ничего особо интересного они не видели – облака уже закрыли все белые вершины, так что обсуждать пока было нечего. Но Джейк все равно останавливался почти через каждые пятьдесят метров и фотографировал окружающие пейзажи. Скоро я заметил, что эти задержки начинают раздражать Дика – тому хотелось идти быстрее, но он не мог предъявлять претензии боссу и вынужден был ждать его, сцепив зубы. Тисса многозначительно улыбалась, наблюдая за ними.

Мои мысли вновь и вновь возвращались к пропавшим трекерам. Почему-то вспомнилась Кира.

– Райн, напомните мне. Как называется поселок, в который мы идем? – спросил Джейк, вешая камеру на шею и направляясь вперед после очередной остановки.

– Пхандинг, – ответил я, шагая рядом. – Это селение ниже Лукулы на двести метров. А нам для адаптации лучше постепенное наращивание высоты. Некоторые идут сразу в Монджо, но для первого дня это будет слишком долгий переход.

Он кивнул, внимательно слушая меня.

– И сколько времени, по-вашему, нам нужно, чтобы добраться до него?

– В идеале, часов пять. Но мы не будем спешить. Так что не меньше семи.

– Значит, придем к вечеру, – заключил Джейк.

Этот отрезок тропы считался достаточно цивилизованным. Мелкие деревушки следовали одна за другой. В каждой были магазинчики, крошечные лавки и просто ларьки, продающие стандартный набор продуктов, а также маленькие кафе, где можно перекусить. Из одного селения в другое постоянно перемещались носильщики, караваны эбо и местные жители, направляющиеся в гости к родственникам или за припасами в соседнюю лавку.

Становилось все жарче. Над дорогой начала клубиться пыль, поднятая десятками ног и копыт. Облака, рожденные из испарений, поднимающихся над горами, ползали по склонам, но не защищали от солнца.

Тропа то взбиралась выше, то вновь спускалась к реке, от которой веяло прохладой. И тогда шум воды заглушал все остальные звуки. Полноводная Дудх Коши вгрызалась в берега своего каменного ложа, словно стараясь вырваться из связывающего ее гранита. Дорога петляла по дну долины, протянувшейся на многие километры, постепенно поднимаясь до высоты пять тысяч метров. С двух сторон ее зажимали нагромождения скалистых холмов и обрывистых склонов. Здесь не было отдельно стоящих гор – все вершины выростали из этих хребтов, словно зубцы на спине ящера.

Сейчас мы шагали по правому берегу, с другой стороны по склонам вились лишь тонкие, обрывистые, едва проходимые тропы, на которые большинство туристов не стремились.

Несколько раз мы переходили по деревянным мостикам через мелкие речки, текущие с гор. Джейк по полчаса задерживался возле живописных водопадов, летящих вниз со скло-

нов, чтобы запечатлеть на их фоне Тиссу в наилучшем ракурсе. Девушка наслаждалась его вниманием. Ее белокурые, кудрявые волосы, пышной копной разлетавшиеся во все стороны, действительно напоминали струи пенной воды, а глаза сверкали от удовольствия.

Дик, изо всех сил делая вид, что интересуется процессом съемки, зевал украдкой, ковырял острым концом палки землю и поглядывал на часы.

– Эй, – окликнул его Джейк, снимая ремень камеры с шеи. – Сделай пару кадров.

Передал фотоаппарат и, подойдя к Тиссе, обнял ее за плечи.

– Ну, теперь мне ясно, для чего ты взял меня с собой, – сказал атлет, все же не сдержав раздражения, – чтобы я вас фотографировал. Дешевый ходячий штатив.

Девушка недоумевающе подняла брови, взглянув на Джейка.

– Ну, я бы не сказал, что ты обошелся мне очень дешево, – холодно отозвался тот. – Так что будь добр...

– Дайте мне камеру, – сказал я, чтобы пресечь назревающую ссору. – Я сниму вас вместе.

– А ты умеешь обращаться с такой техникой? – высокомерно осведомился Дик.

– Умею.

Он нехотя отдал мне фотоаппарат и поспешил встать рядом с Джейком, чтобы также попасть в кадр.

Я отошел на шаг, глядя в окошко видоискателя, навел объектив на своих спутников, улыбающихся профессиональными улыбками людей, часто бывающих на публике, и вдруг заметил движение чуть выше по склону. Серая, стремительная тень.

Я быстро переместил за ней объектив и едва успел нажать на кнопку спуска-затвора, как силуэт исчез в кустах, растущих дальше по склону.

– Эй, вообще-то мы здесь, – напомнил мне Джейк.

Я подошел к нему, включил опцию просмотра и показал получившуюся картинку. Она была темновата, но на снимке вполне различалась оскаленная морда, свирепо торчащие усы, круглые уши и раздувающиеся ноздри большого дымчато-серого зверя.

Джейк взглянул на экран и тихо присвистнул. Тисса ахнула, а Дик повел глазами поверх кустарника, надеясь разглядеть давно убежавшего хищника.

– Что это за зверь? – спросила девушка.

– Похож на барса, – задумчиво произнес ее покровитель, по-хозяйски оглядывая склоны. – Неплохо было бы поохотиться. Интересно, можно здесь достать ружья?

– Джейк, пожалуйста, – попросила Тисса с очень знакомыми мне интонациями – одновременно требовательными и нежными. – Мы же не охотиться приехали.

– А я бы задержался на пару дней, – тут же вмешался Дик, азартно потирая ладони. – По-моему, отличная идея. Что скажешь, Райн?

– Ружья мы достать не сможем, – ответил я. – Кроме того, для охоты в этих горах нужно специальное оборудование, и главное – никто не позволит вам стрелять таких зверей. Кайлатцы считают их духами окрестных гор, и за убийство хотя бы одного нас всех будет ждать очень жестокое наказание.

– Очередная злобная богиня захочет лишить меня потенции? – усмехнулся Джейк, поднимая свои трекинговые палки, лежащие на земле.

– Нет. Наши тела найдут на дне ущелья. Вернее, не найдут вообще.

По взглядам моих спутников стало понятно, что подобная перспектива их не устраивает, а кое-кого и откровенно пугает.

– Но если вам хочется чего-нибудь необычного, я могу устроить для вас поход за горным медом. Поверьте, это не менее опасное приключение, чем охота на барса.

Дик презрительно фыркнул, Тисса также не выразила особого восторга от моего предложения.

– Там видно будет, – сдержанно ответил Джейк, убрал камеру в кофр, и мы пошли дальше.

Я не стал говорить, что местные жители считают появление серого зверя среди дня важной приметой. Значит, дух обеспокоен и недоволен чем-то.

Дорога пошла вверх, мимо очередного поселка. Здесь стоял стук и грохот – строилась новая гостиница для туристов. Рядом с грудой белых булыжников сидели несколько кайлатцев, с ног до головы покрытых пылью, и вручную обтесывали камни, придавая им форму кирпичей.

– Вот это я понимаю, действительно ручная работа, – рассмеялся Джейк, сфотографировав камнетесов.

Остальная часть пути показалась им менее запоминающейся. Путешественники начали уставать. Я подбадривал их, раздавая шоколад, давал выпить воды с оксидом серебра, который помогает вырабатывать кислород в крови, и рассказывал истории о культуре Кайлата.

Но скоро они перестали слушать меня, мечтая лишь об одном – поскорее добраться до комнаты в гостинице. И когда впереди показались крыши Пхандинга, до меня долетел облегченный вздох Тиссы.

Два белых эбо стояли в загоне у четвертого лоджа. Этот чистый двухэтажный домик с большим двором нравился мне уже давно, и я каждый раз с удовольствием проходил мимо него.

Тшеринг сидел на скамейке недалеко от входа и, увидев меня, тут же вскочил.

– Вещи в комнате, – доложил он скороговоркой, – первый этаж, номер четырнадцать. Я сказал, что ты за все отвечаешь, и хозяйка дала самый просторный. Твоя комната рядом – пятнадцатая. Пемба запросила за ночлег двести рупий, но я сбросил до ста пятидесяти. Она хотела деньги сразу, но я сказал, что ты придешь и тогда рассчитаетесь.

– Спасибо, Тшеринг.

Он кивнул и отправился по своим делам.

Тисса, Джейк и Дик пошли осматривать комнату и разбирать вещи, я задержался, чтобы расплатиться с хозяйкой.

– Намаскар, Рай-джи, – приветливо поздоровалась она, появляясь из жарко натопленной кухни. – Не знала, что ты стал водить иностранцев. Ужинать будете?

– Да, конечно.

Ее симпатия ко мне тут же увеличилась, ведь плата за еду была хорошим дополнением к деньгам, полученным за ночлег.

Общая комната оказалась заполнена – туристы ели, пили чай, просматривали меню и записывали заказы в специальную тетрадь, беседовали, грелись у печки, установленной в центре. Смуглая девушка, явно только что из душа, сушила влажные волосы. Немолодая пара, сидя друг напротив друга, читала книги при тусклом верхнем свете. Несколько трекеров, раздобыв где-то искривленную палку, которой пользуются носильщики, чтобы на коротких остановках подставлять под тяжелый груз и давать отдых спине, дружно хохотали над нелепой, по их мнению, конструкцией, придумывая ей все новые применения – от костыля до одноногого стула.

И с первого взгляда становилось понятно, кто только вышел на трек, а кто возвращается обратно в Лукулу. Первые были еще свежие, в чистой одежде, немного бледные от недостатка кислорода, но убежденные, что уже завтра им будет лучше. Вторые – похудевшие, с пылью, ввевшейся в кожу, покрытые темным высокогорным загаром, но полные осознания собственной силы и воли людей, достигших трудной цели. И все одинаково уставшие, новички – от непривычной высоты, опытные трекаеры – от бесконечной нагрузки.

Хозяйка, двое ее сыновей и дочь сновали по залу, принося еду, забирая грязную посуду, принимая новые заказы.

Я увидел гидов-кайлатцев, беседовавших со своими подопечными по поводу маршрута. Они смерили меня одинаково недовольными взглядами, когда поняли, что я тоже веду группу туристов. По их мнению, иностранец не должен был заниматься подобным делом и отнимать работу, которая принадлежит только им.

В теплом воздухе висел легкий запах керосина, на котором здесь готовили, дыма и разнообразной еды.

Мои спутники заняли последний свободный стол у окна и пытались поужинать. Тисса отломала несколько кусочков подсохшего хлеба, попробовала «грибной суп», но сразу отодвинула тарелку, заявив, что никогда в жизни не ела ничего отвратительнее. И никак не реагировала на мои попытки убедить ее поесть нормально.

Джейк выражался не столь категорично, однако не проявил к местной пище особого интереса. Только Дик с большим аппетитом поедая двойную порцию туна-момо – что-то вроде пельменей с консервированным мясом тунца – и нахваливал местных поваров, не обращая внимания на гримасы остальных.

После ужина я проводил их в комнату и мог считать себя свободным до утра...

Я проснулся глубокой ночью, и, как всегда, вылезать из теплого, нагретого мешка страшно не хотелось. Постарался вернуть сон, убеждая организм в том, что он может отдыхать еще несколько часов, но ничего не получилось. Пришлось вставать, выползая из уютной норы, в темноте нащупывать ботинки у топчана и плестись в коридор, наполненный запахом керосина. В круге света от фонаря виднелись одинаковые двери, за которыми слышалось тяжелое дыхание, храп и привычный кашель...

Пока я добирался до туалета и обратно, успел окончательно прогнать сон.

В окне на втором этаже были видны вершины Западного Предела и Кангри, выступающие из темноты над неровной чашей долины. В свете луны их пики окружало нереальное призрачное сияние. Молчаливые и ледяные, они смотрели на притихший поселок, и ветер сдувал с их склонов длинные шлейфы снега.

За стеной скреблась крыса. Она почуяла мое приближение и затихла, но, как только я прошел мимо, зашебуршилась с удвоенной силой, явно пытаясь прогрызть тонкую фанерную перегородку насквозь.

Я почти добрался до своей комнаты, как вдруг услышал вопль, наполненный ужасом и болью, сменившийся громким голодным рыком.

Кашель, храп и сонное сопение мгновенно смолкли, зазвучали изумленные, испуганные, невнятные голоса, в ближайшей комнате раздался грохот. Похоже, кто-то упал с кровати.

Я схватился за нож, с которым предпочитал не расставаться, и быстро пошел к лестнице. Дверь в номер Тиссы, Джейка и Дика открылась, я едва не столкнулся с девушкой, шагнувшей в коридор.

– Рай, что?.. – начала было она, но я толкнул ее обратно, велел:

– Не выходи. Оставайся там.

Поднявшись по лестнице, я почувствовал в тяжелом воздухе новый запах. Едкий и тревожный. Но не успел подойти ближе.

Навстречу выпрыгнула растрепанная хозяйка лоджа, вцепилась в мою руку с ножом и забормотала тревожно:

– Не надо! Не входи! Рай-джи, не входи!

– Пемба, что случилось?

– Кенцинг привел людей. Вчера. Двоих. Перед тобой пришел. – Она настойчиво отталкивала меня от комнаты, дыша тяжело и взволнованно, в свете моего фонаря ее глаза блестели, как два осколка стекла. – Я их пустила. Место дала хорошее, рядом с печкой. Откуда же мне знать, кто они такие... Он ведь сам их привел... А ты не ходи туда. Только он отвечает за тех, кого привел. Пусть уж они там между собой... Больше ведь никого не тронут. Твои иностранцы в безопасности.

Она смотрела на меня умоляюще, боясь, что я все же пойду и выпущу ужас, поселившийся в лодже.

Это было все то же правило. Ни один кайлатец никогда не пустит в свой дом или отель чужака, если тот пришел без сопровождения местного. Ответственность за гостей лежала на тех, кто их привел. Ведь они могут оказаться не теми, за кого себя выдают.

«Жители Кайлата очень трепетно относятся к домашнему очагу, – говорил Уолт. – Это место считается для них священным, поэтому они никогда не пустят в дом чужого». На самом деле все оказалось гораздо проще – никто из местных не хотел, чтобы ему распорол горло в собственной кровати.

Кенцинг привел людей, которые оказались не людьми. И теперь они убили его. Если бы хозяйка впустила их без сопровождения гида – скорее всего, большинство постояльцев и она сама были бы уже мертвы.

– Ему теперь не поможешь, – сказала Пемба твердо, продолжая сжимать мою руку. – А у тебя свои. Займись ими.

Она была права. Я убрал нож, спустился вниз и тут же увидел трекеров, засыпавших меня тревожными вопросами:

– Что-то случилось?

– В чем дело?

– Кто кричал?

– Все в порядке, – ответил я им всем сразу. – Никаких причин для беспокойства.

– Рай, что происходит? – требовательно произнесла Тисса, пристально глядя на меня.

– Ничего. Идите спать. Завтра рано вставать. Джейк, вам надо выспаться. Тисса, прошу тебя...

С трудом мне наконец удалось отправить их в комнату. В коридоре остался лишь Дик.

– Ну, так что, одному из трекеров приснился кошмар? – презрительно ухмыльнулся он. – О том, как его режут на кусочки?

– Может быть, – невозмутимо ответил я.

– А может быть, это происходит на самом деле? – Он угрожающе приблизился, явно испытывая желание вытрясти из меня правду.

– Это Кайлат, горы, – произнес я по-прежнему спокойно. – Здесь происходит много странного. Необъяснимого. Сейчас опасности нет. Поэтому тебе лучше довериться мне и пойти лечь спать.

Несколько мгновений он смотрел на меня исподлобья, словно пытаюсь решить, как вести себя дальше. Затем пренебрежительно пожал плечами, развернулся и ушел к себе, захлопнув дверь.

Глава 5

Монджо

Утром я так и не узнал, кто из туристов убил гида. Расстроенная хозяйка лоджа только махнула рукой на мои вопросы:

– Вошла в комнату, а там уже никого. Лишь окно нараспашку. Так ночью и ушли.

– Что с Кенцингом?

– Ничего, – она сердито шмыгнула носом, – того, что от него осталось, не хватит даже на подношение богине-защитнице.

– Не знаешь, кто это сделал?

– Не знаю. Иностранцы как иностранцы. Они все на одно лицо.

Она отвернулась от меня, показывая, что разговор закончен, и занялась приготовлением завтрака.

Наблюдая за трекерами, торопливо выходящими из лоджа, я думал о том, что вчера ночью любой из них мог оказаться злобным существом. Но я никогда не слышал, чтобы «люди из большого мира», не местные, теряли в Кайлате разум настолько, чтобы превращаться в кровожадных чудовищ. Что могло на них так повлиять?

Я поделился своими размышлениями с хозяйкой, но у нее не было охоты продолжать эту тему. Она боялась, что новости о произошедшем в ее лодже ночевавшие разнесут по всей дороге, до самого Горак Шепа. И теперь никто не снимет у нее жилье.

Тшерингу, поджидающему меня у нагруженных эбо, не терпелось обсудить случившееся ночью. И, скороговоркой выложив мне свои красочные, но малореальные предположения по этому поводу, он велел:

– Ты своим иностранцам ничего не говори. Соври что-нибудь.

– Что, например? – с искренним интересом спросил я, поглаживая довольно фыркающего Второго по косматой голове.

Кайлаец задумчиво почесал в затылке, сдвинув на лоб бейсболку, и просиял.

– Когда я не знаю, что сказать белым, делаю так... – Он скорчил идиотически-благодетельную физиономию и, улыбаясь во весь щербатый рот, несколько раз поклонился. Затем снова заговорщицки уставился на меня и продолжил инструктаж: – Но если не действует, делаю вид, что перестал понимать на международном. Знаешь, очень помогает.

Я рассмеялся, живо представив эту картину. Тшеринг махнул рукой на прощание и, беззаботно насвистывая, направился в сторону Монджо. Оба эбо потянулись за ним, с удовольствием прислушиваясь к заливистым трелям, покачивали головами, заставляя бубенчики на шеях звенеть в такт простой мелодии.

Конечно, кайлаец не ошибся. Мои спутники, проснувшись и едва успев позавтракать, пытались узнать, что произошло ночью. Я, естественно, не стал притворяться, что не понимаю родной язык, и спросил прямо:

– Разве Ричард не предупреждал вас, что путешествовать по Кайлату опасно?

– Да, он упоминал о некоторых сложностях, – беспечно отозвался Джейк, удобнее укрепляя кофр с фотоаппаратом. – И поэтому посоветовал идти именно с тобой. Он говорил, что ты сможешь обеспечить нашу безопасность.

– Смогу, – подтвердил я, – но только в том случае, если вы будете выполнять несложные правила, о которых я говорил.

– Да-да, – устало махнул рукой он. – Мы все о них помним. Но вообще я согласился на этот поход только потому, что нас ведет такой, как ты.

– Какой «такой»? – тут же осведомился Дик, переводя взгляд с меня на Джейка.

– Неважно, – ответил тот, отворачиваясь.

Тисса ничего не сказала, но ее пронзительный взгляд стал обеспокоенным.

Сегодняшняя дорога не слишком отличалась от вчерашней. Те же подъемы, спуски, водопады, ручьи, сбегаящие в реку, колонны нагруженных эбо, носильщики, трекеры, идущие в Намаче и обратно в Лукулу, пыль, жара, периодически сменяющаяся холодом, льющимся с ледников. Дорога перестала казаться моим подопечным необычным приключением, превращаясь в тяжелую, утомительную работу. Монотонность ходьбы лишь немного скрашивали редкие сценки из жизни местного населения.

Тиссу развеселили две женщины, которые сидели у реки, совсем рядом с дорогой, и красили волосы хной с таким спокойствием и сосредоточенностью, словно находились в салоне красоты или в собственной ванной.

Стайка чумазых местных детей выпрашивала подношения в виде конфет и шоколадок. Несколько полураздетых молодых людей мылись в водопаде, не обращая внимания на прохожих.

Среди трекеров встречалось немало любопытных личностей. Например, три дамы из Ямато в черных одеждах и длинных перчатках неторопливо шествовали по тропе, и каждая держала над головой круглый бумажный зонтик. Затем мимо нас на предельной скорости промчалась группа северян, судя по светлым волосам, бледной коже и высокому росту, – губы у всех были серо-стального цвета из-за помады, защищающей от ультрафиолетовых лучей, и зрелище эта компания представляла собой совершенно ирреальное, вызывающее научно-фантастические ассоциации.

Но самой интересной стала встреча с местной девушкой. Обычно кайлатки не отличались особой красотой – широкоскулые, с плоскими лицами, приплюснутыми носами, плоскими, неровными зубами и грязно-серой кожей. Но эта была удивительно хороша. Трудно было отвести взгляд от утонченных черт лица, нежной, ровной кожи и глаз редкого бирюзового цвета. Одежда девушки – длинное платье с рукавами до середины предплечий из тонкой сине-зеленой материи – казалось воздушным, струящимся. Она не несла на себе груза, что вообще являлось редкостью в Кайлате – женщин здесь было принято нагружать так же, как и мужчин. Перед ней следовал белый эбо с двумя аккуратными корзинами, притороченными к бокам. Но больше всего моих спутников поразили сложные узоры из крошечных сапфиров на ее висках, веках и скулах, золотые нити на шее. Орнаменты из топазов разного оттенка обвивали запястья, поднимались к локтям, теряясь под рукавами. Все эти украшения сверкали, переливались, искрились на солнце, окружая ее поистине неземным сиянием.

– Красотка, – одобрительно произнес Джейк, провожая кайлатку взглядом.

Дик тоже промывчал что-то лестное, соглашаясь с боссом. Тисса спросила с жадным любопытством:

– Как на ней держатся все эти камни? Неужели каждый раз, выходя из дома, приклеивает их заново? Надо будет попробовать сделать что-нибудь подобное. Мне тоже идут сапфиры.

А я вспомнил, как несколько лет назад, разбирая архив Уолта, нашел в нем фотографию, вырезанную из какой-то старой книги. Изображение было черно-белым, не очень четким, но даже на нем можно было различить сотни драгоценных камней, покрывающих руки, шею и лицо местной красавицы, массивное золотое украшение, лежащее на ее лбу естественно, словно часть кожи, и тяжелые серьги, свисающие с мочек ушей. На оборотной стороне снимка почерком моего друга было записано размышление о том, как кайлатцы высоко ценят женскую красоту и стремятся подчеркнуть ее природной красотой камней.

Как выяснилось в дальнейшем, он не слишком далеко ушел от истины. Украшать женщин здесь умели...

Мои спутники еще некоторое время обсуждали кайлатку, но скоро эта встреча была забыта, потому что стали возникать мелкие трудности, значительно тормозящие наше продвижение.

Сначала трекинговая палка Тиссы перестала держать нагрузку, и та никак не могла отрегулировать ее высоту.

Джейк с Диком попытались уйти вперед, недовольные тем, что Тисса задерживает поход, но я велел им остановиться и ждать. Очень неохотно мужчины подчинились.

– Разболтался винт, и сломалась система амортизации, – сказал я, осмотрев палку. – Где ты покупала снаряжение? Здесь?

– Да, – ответила она с досадой, вытирая потный лоб. – И мне сказали, что это самое лучшее. Я несколько раз спрашивала – действительно ли они надежные, если нет, я могу заплатить больше! Почему было не сказать сразу?!

Закручивая развинтившееся крепление, я думал о том, что Уолт говорил мне как-то: «Кайлатцы настолько деликатны и вежливы с иностранцами, что у них считается неприличным отвечать им «нет», какой бы вопрос те ни задали. Поэтому, если хочешь услышать правильный ответ – задай правильный вопрос».

Помню, я как-то спросил двух милых девчушек, сидящих на изгороди и провожающих трекеров любопытными взглядами, доведет ли меня левая тропа на развилке дороги до Лобче. И действительно ли она короче. Вместо того чтобы сказать честно: «Нет, лучше не ходите туда», они отвечали, преданно глядя мне в глаза: «Непременно доведет, дааджи, уже через час будете на месте».

От ночевки на продуваемом всеми ветрами склоне меня спасло только то, что левая тропа показалась мне чересчур крутой, а я слишком устал, чтобы карабкаться по камням, и решил пойти более ровной, хотя и длинной дорогой.

Надо было видеть злобное разочарование, исказившее лица девочек. Они-то хотели, чтобы я лез вверх по склону, обдирая колени, и не успел добраться до селения даже к утру. Зачем? Просто потому, что им показалось это очень забавным.

И такой случай был не единственным, когда вместо искреннего «нет», кайлатцы с удовольствием говорили мне лживое «да», ожидая, что глупый иностранец поспешит выполнять их советы.

– Чему ты улыбаешься? – спросила Тисса, наблюдающая за мной. – Вспомнил еще одну из своих многочисленных историй?

– Вроде того, – ответил я. – Возьми мою палку. Твою починить не удастся. А мне они вряд ли понадобятся.

Она кивнула, довольная тем, как легко разрешилась эта небольшая неприятность, и снова направилась вперед.

Но мы не смогли пройти и несколько десятков метров, как нас остановило новое непредвиденное обстоятельство. У Дика разболелось плечо.

– Почему ты не сказал сразу, что у тебя недавно была травма? – спросил я мужчину, усевшегося на камень и массирующего руку.

– Потому что тогда ты бы не согласился вести нас, – отозвался он хмуро.

– Согласился, но принял необходимые меры. Выпей это. – Я вытряхнул на его ладонь таблетку обезболивающего и протянул бутылку с водой. – Хорошо, что мы решили не идти сразу к Намаче. У тебя будет возможность отдохнуть в Монджо.

– Да все со мной нормально, – отмахнулся он, видя неудовольствие на лицах Джейка и Тиссы.

– Если не сможешь идти, – заметил мужчина, – тебе лучше остаться в Монджо, подождать, пока мы вернемся. Или пойдешь обратно. Дорогу ты уже знаешь.

– Никто никуда не пойдет один, – сказал я, прежде чем гневно покрасневший Дик успел огрызнуться в ответ. – Я обещал, что доведу до перевала всех, значит, доведу.

– Даже если тебе придется тащить кого-нибудь из нас на себе? – с любопытством спросил Джейк.

– Не придется меня никуда тащить! – воскликнул Дик, не дав мне ответить, и поднялся на ноги. – Хватит уже об этом. Пошли.

Начался подъем по склону. Людей, идущих в ту же сторону, что и мы, больше не было. Все вышедшие на тропу этим утром обогнали нас, и теперь нам попадались только редкие встречные трекары, возвращающиеся в Пхандинг. Еще время от времени попадались местные жители, спешащие по своим делам. Тропа почти опустела.

Мне нравились такие периоды затишья, когда не нужно глотать пыль, поднятую десятками ног и копыт. Становится слышен ветер, летающий по склонам, плеск воды как будто приближается, начинают раздаваться голоса птиц.

Но сегодня ветер с ледников стал как будто холоднее. Неприятное предчувствие... тень предчувствия касалась волос на моем затылке и шептала нечто невнятное на ухо. Я не мог понять, о чем предупреждают меня горы, и поэтому не знал, как реагировать.

Окидывая взглядом склоны, заросшие лесом, я надеялся увидеть на них хоть какую-то подсказку, но кайлатская ольха и пластинчатые дубы оставались немymi.

Мои спутники стали заметно нервничать, оказавшись практически наедине с горами. А быть может, им передалась моя настороженность.

– Пойдите-ка, – сказал вдруг Джейк. – Мне надо передохнуть.

Он снял кофр с фотоаппаратом с таким видом, словно тот весил несколько десятков килограммов, положил его на землю под искривленный ствол кедра, растущего у тропы, а сам опустился рядом.

– Как вы себя чувствуете? – спросил я его.

– Нормально, – отозвался он, прислоняясь затылком к дереву, и закрыл глаза. – Просто устал.

– Джейк, может быть, ты отдохнешь, когда мы доберемся до места? – осторожно спросила Тисса, поглядывая на облака, стелющиеся по склонам.

– Я сам знаю, когда и где мне отдыхать, – ответил тот ровным голосом, и девушка, пожав плечами, обменялась быстрым взглядом с Диком.

– Нам еще долго идти? – спросил меня он.

– Тем темпом, как сейчас, – еще часа три.

– Три часа? – громко переспросил атлет, явно стремясь таким образом подстегнуть шефа.

Но тот не отреагировал, продолжая делать вид, что не замечает никого вокруг.

– Ты точно в порядке, Джейк? – спросил Дик и услышал в ответ произнесенное ледяным тоном:

– Помолчи. Вы двое задерживали нас всю дорогу по пустыкам и тратили мое время. Так что теперь ждите.

– Когда начнет темнеть? – спросила меня Тисса.

Она сняла горные очки, и я отметил, что ее глаза, ставшие густо-синими, полны беспокойства.

– Часа через четыре.

– Через четыре часа стемнеет, нам идти не меньше трех, а может, и больше, – подытожил Дик, сбивая острым наконечником трекинговой палки листья с ближайшего куста.

Он выразительно посмотрел в мою сторону, требуя от меня решительных действий.

Похоже, поведение Джейка не было для них неожиданным. Он и прежде не упускал возможности показать молодым спутникам, кто хозяин. Но теперь я видел – он действительно устал.

Я молча снял рюкзак, сел на землю рядом с мужчиной, вытащил из переднего кармана пакет с конфетами и протянул ему.

– Возьмите, сразу станет легче.

– Что это? – осведомился он, скептически рассматривая сероватые куски, напоминающие неровно колотый сахар.

– Леденцы с горным медом и травами. Хорошо снимают усталость и заглушают чувство голода.

Он усмехнулся, но все же взял пару штук.

– Дальше будет так же тяжело?

– На каких-то участках дороги – тяжелее, на каких-то легче.

Джейк внимательно посмотрел на меня, а затем на Тиссу и Дика, беседующих о чем-то в отдалении и нетерпеливо поглядывающих в нашу сторону. Они явно хотели, чтобы я заставил их покровителя двигаться, и были недовольны, что, по их мнению, ничего не предпринимаю.

– Вы первый одушевленный, которого я вижу в своей жизни, хотя мне уже немало лет, – сказал вдруг мужчина негромко. – О таких, как вы, ходит много нелепых слухов. Например, я слышал, наличие души дает вам бессмертие.

– Это неправда, – ответил я так же тихо. – Иногда мы умираем.

Джейк довольно рассмеялся, помолчал немного, глядя сквозь ветви деревьев на небо, утратившее дневную яркость, потом спросил:

– Ты ведь пошел с нами только из-за Тиссы? Хочешь произвести на нее впечатление? Я вижу, как ты на нее смотришь. – Он покачал головой, намекая, что понимает мою мотивацию, но не стал уточнять. – Ты бросил ее и уехал сюда... она обмолвилась об этом как-то. Обычно она сама меняет поклонников, когда хочет. Я не знаю ни одного мужчины, который по своей воле смог ее бросить... Что же она сделала такого, за что ты... такой, как ты, ушел от нее?

Я промолчал, не желая копаться ни в своем прошлом, ни в прошлом Тиссы.

– Думаю, я достаточно хорошо знаю ее, – с удовлетворением продолжил Джейк, – чтобы быть уверенным – она тебя не простила. Так что я бы на твоём месте не расслаблялся.

– Учту ваше пожелание, – невозмутимо улыбнулся я, взглянув на него.

Мне было знакомо это выражение лица – тщательно замаскированное жадное любопытство. Ему бы хотелось видеть, что я расстроен, раздосадован или обеспокоен. И в отличие от тех же самых кайлатских девчушек, ему, как человеку более цивилизованному, не нужно было обманом заставлять меня идти по сложной тропе, достаточно всего лишь произнести несколько тщательно обдуманных фраз.

Но я уже давно научился не реагировать на слова.

– Зачем ты помогаешь ей? Нам всем? – снова спросил Джейк. – Ты делаешь это не только из-за денег. Я же вижу.

– Меня волнует ее безопасность, – ответил я, потому что все равно не мог сказать ему ничего другого. – Безопасность вас всех. Перевал, куда вы хотите добраться, – один из самых сложных на трекке. И если вы действительно не видите в себе достаточно сил, лучше изменить планы. Я могу показать не менее красивые места.

– Нет, приятель, – сказал он с кривой усмешкой. – Я не привык менять свои решения. Ладно, идем.

Я помог ему встать. Дик поспешил поднять кофр и подал его боссу, явно опасаясь, что тот передумает. Тисса облегченно вздохнула, поднимая трекинговые палки. И мы двинулись дальше.

Глядя на тяжело дышащих, все более устающих трекеров, я понимал, почему они пошли на преодоление таких трудностей. «Душу лечат чувства, – любил говорить Уолт. – Как только душа перестает испытывать желания и эмоции, она заболевает».

Но как быть тем, у кого нет души? Им приходилось еще труднее, чем мне. Жизнь Тиссы и ее друзей стала пресной. Обычные радости больше не радовали, а привычные сложности наскучили. Опасность и преодоление препятствий оживляли их не хуже, чем меня самого.

А может быть, в определенный период жизни их всех тянет в Кайлат, к месту, где скрыт источник душ? Уолт наверняка подумал бы именно так...

До Монджо мы добрались уже вечером, в густеющих серых сумерках. Этот поселок практически ничем не отличался от Пхандинга. Такие же одно- и двухэтажные домики с террасами открытых кафе, единственная узкая улица, по которой днем бродили куры, эбо и маленькие дети. А вокруг – неизменные горы.

Тшеринг, дожидаящийся нас в самом начале деревни, в довольно резких выражениях дал мне понять, что думает обо мне, потащившем с собой малосильных иностранцев и, более того, позволившем им идти так медленно.

– Ты сказал им, что их сожрут по дороге, если они будут еле передвигать ноги? – настойчиво спрашивал он меня на своем путаном наречии, одновременно доброжелательно улыбаясь вымотанным путешественникам и открывая перед ними двери лоджа.

– Я обещал им поход за горным медом, завтра.

– Хочешь уронить кого-нибудь из них со скалы? – поинтересовался кайлатец, все еще злившись на моих спутников. – Хорошо.

– Но не уверен, что они будут в силах пойти туда, – продолжил я размышлять, не обращая внимания на его непосредственную кровожадность.

– Тогда сходи сам и принеси с собой мешок пчел позлее, – посоветовал Тшеринг. – Выпустишь, если твои иностранцы будут идти слишком медленно. Мигом куда надо прибегают.

Он весело рассмеялся, учтиво кланяясь красному от усталости Джейку. Видимо, представил, как тот бежит, спасаясь от пчел.

Мы вошли в узкую полутемную прихожую лоджа. Посетителей не было видно, но со второго этажа доносились громкие бодрые голоса.

Кайлатец сунул мне в руку ключи от двух номеров и исчез в одной из боковых комнат, предоставив самому разбираться со своими туристами.

Джейк вытирал потное лицо, не обращая внимания на окружающую обстановку, хотя в прошлый раз был не слишком доволен скромными условиями Пхандинга. Дик допивал последние капли воды из бутылки. Его трекинговые палки, небрежно поставленные у стены, с грохотом свалились на пол.

– Мне нужен душ, – устало сказала Тисса, снимая шляпу. – И чем быстрее, тем лучше.

Ее роскошные волосы потемнели и повлажнили у висков. На лице осел слой серой пыли и стал заметен первый легкий загар.

– Сейчас договорюсь с хозяином. А вы пока можете располагаться. – Я отдал Джейку ключ от комнаты и отправился на поиски владельца лоджа.

Тот обнаружился в жарко натопленной кухне в компании двух соседей. Кайлатцы пили местное просяное пиво «ракши» и горячо обсуждали тему пропавших туристов.

– Намаскар, – сказал я, наклоняя голову, чтобы пройти под низкой притолокой.

– Намаскар, Рай-джи, – недружно, но громко отозвались они и заговорили, перебивая друг друга: – Садись-садись, дааджи. Даясинх, подвинься, пусть он сядет. Слышал про туристов пропавших? Ты, когда шел сюда, ничего такого не заметил?

– Спасибо, Джокхан, пока не могу с вами посидеть, занят. Нет, по дороге ничего не заметил. Ташет, дай ключ от душа.

– Говорят, их лесные духи унесли, – важно заметил тот, игнорируя мою просьбу, как нечто незначительное и мешающее беседе.

– Если только они не появились из ваших стаканов! – раздался сбоку недовольной женский голос.

Из соседней комнаты быстро вышла сердитая жена хозяина в сбившемся на сторону платке и испачканном фартуке, повязанном поверх длинной юбки. Мельком улыбнулась мне, произнесла неизменное «намаскар, Рай-джи», и накинулась на мужа:

– Тебя просили душ открыть. Давай вставай, пошевеливайся! Все деньги мимо тебя проплывут, пока ты тут языком чешешь.

Неумело огрызаясь в ответ, Ташет поднялся из-за стола и, не обращая внимания на посмеивающихся соседей, побрел следом за мной в коридор.

– Пятьдесят рупий час, – сообщил он, вытаскивая из кармана потертых штанов связку ключей и отцепляя нужный. – И пусть воду зря не льют. Ты им там покажи, что и как включается. У меня нагреватель новый, если сломают, платить придется.

В его последних словах было столько надежды на то, что мои иностранцы все-таки испортят прибор и у него появится возможность взять с них гораздо больше денег, чем тот стоит на самом деле. Я не смог сдержать улыбку, видя это почти детское желание схитрить.

– Не волнуйся, Ташет. Все будет в порядке.

Я поднялся на второй этаж, подошел к двери номера, постучал и, дождавшись ответа, вошел.

Утомленная, но довольная Тисса лежала на узкой кровати, распустив волосы и закатав до колен брюки, а Джейк поглаживал ее стройные голени. Дика в комнате не было.

– Надеюсь, сейчас мы не нарушаем никаких местных запретов? – с насмешкой спросил мужчина, внимательно наблюдая за моей реакцией.

– Нет. Вам абсолютно не о чем беспокоиться, – ответил я невозмутимо. – Душ свободен.

– Отлично. – Тисса прыгнула с кровати, взяла со столика умывальные принадлежности и нежно спросила: – Джейк, не хочешь составить мне компанию?

– С удовольствием, – отозвался тот, улыбаясь, словно сытый кот.

Я проводил их до комнатки, в которой находился душ. Лодж был пристроен прямо к скале, поэтому часть стены заменял неровный, грубо обтесанный камень. Крыша неплотно прилегала к нему, и наверху, сквозь довольно широкую щель, виднелась трава, растущая над домом.

Обмениваясь шуточками по поводу особенностей местной архитектуры, они выслушали мои наставления про использование нагревателя и заперли за собой дверь.

Я пошел в свою комнату. Проходя мимо каменной стены, машинально взглянул наверх и остановился. Сквозь широкую щель, через которую просачивались последние капли гаснущего дня, на меня в упор смотрели внимательные, немигающие, круглые глаза. Не человеческие – вокруг большого черного зрачка виднелась узкая полоска золотистой сияющей радужки.

Существо с интересом разглядывало меня, и в его взгляде не было ни злобы, ни голода. Я смотрел на него, стараясь понять, кто это, но не ощущал желания потянуться за ножом.

Желтые глаза мигнули, сверху послышался тихий, едва слышный свист. Через секунду звук повторился, уже более настойчиво. Казалось, со мной пытаются общаться. Я улыбнулся и тихо свистнул в ответ. С крыши донеслось удовлетворенное фырканье, а затем вниз, к моим ногам, полетел комок сухой травы.

Я наклонился, чтобы поднять его, а когда выпрямился, глаза, заглядывающие в щель, уже исчезли.

Слегка озадаченный всем произошедшим, я внимательнее рассмотрел «подарок». Это были незнакомые мне листья, корни и стебли, переплетенные друг с другом. Они издавали сильный, приятный аромат.

– И что мне с этим делать?.. – пробормотал я, снова взглянув наверх.

Убрал сухие стебли в карман, сделал буквально пару шагов по коридору и тут же столкнулся с Диком – нервным, встрепанным и явно хлебнувшим местного алкоголя.

– Где Джейк и Тисса? – нетерпеливо спросил он, хотя ответ был очевиден.

– В душе, – коротко ответил я, предвидя долгую дискуссию и не желая вступать в нее.

– Что, вместе?! – воскликнул он, глядя на меня так, словно я только что поселил в клетку с тигром любимую овечку Дика и он практически видит ее обглоданные косточки.

– Ну и что?! – спросил я довольно резко.

– Тебе-то ничего, конечно, – отозвался он агрессивно, с отдаленными, но уже вполне заметными угрожающими нотками. – Но мог бы подумать и о других.

У меня не было ни сил, ни желания выслушивать этот вздор. И так ясно, что у парня плохое настроение и хочется сорвать на ком-нибудь злость.

– Слушай, Дик, – сказал я, начиная терять терпение. – Мне действительно все равно, какие у вас отношения. Разбирайтесь сами. Меня это не касается.

Несколько мгновений он смотрел на меня, явно пытаюсь понять, не лгу ли я ему, а потом вдруг спросил насмешливо:

– А что, у тебя правда есть душа?

– Есть, – подтвердил я невозмутимо, уже зная, чем закончится этот бессмысленный разговор.

– А у меня ее, значит, нет, – продолжил Дик враждебно, уцепившись за новый повод для ссоры. – Ну и что? Чем я хуже тебя? Что такого она тебе дает? И где она у тебя находится? Здесь? – Он ткнул меня пальцем в грудь. – Или здесь? – Нацелился в голову, но я перехватил его руку и, крепко сжав, чуть вывернул.

Дик удивленно вытарашил глаза, похоже не ожидая обнаружить у человека с душой физическую силу. Попытался вырваться, но я ужесточил захват и сказал, проникновенно глядя на скривившегося от боли изумленного атлета:

– Наличие души не отменяет наличия самоуважения. И запас терпения у меня не безграничен. Это ясно?

– Ладно, понял. Отпусти, – буркнул он, я подержал его еще пару мгновений и разжал пальцы.

Недовольно дернув плечом, он удалился, бормоча что-то себе под нос. Как ни странно, гораздо более спокойный, чем в первые минуты встречи со мной.

Похоже, нам обоим было нужно спустить пар. Хотя, казалось бы, у меня, в отличие от Дика, не должно быть никаких причин для ревности.

...На следующее утро путешественники, сидя за завтраком, весело приветствовали меня. Похоже, они отлично выспались, и еда в этом лодже устраивала Тиссу с Джейком. Даже Дик, который мог бы записать меня в свои злейшие враги после вчерашнего столкновения, смотрел вполне дружелюбно.

– Вижу, вы хорошо отдохнули, – сказал я им, садясь рядом за стол. – Я обещал вам поход за горным медом. Что вы решили?

– Я хочу пойти, – произнесла Тисса, элегантно промокая салфеткой красивые губы. – Думаю, будет интересно.

– Не уверен, – задумчиво сказал Джейк, поглядывая в окно, где полиэтилен, натянутый между рамами вместо стекол, надувался парусом от сильного ветра.

– Мне тоже не слишком хочется, – тут же отозвался Дик с набитым ртом, на мгновение отрываясь от еды.

– Тогда поход отменяется, – подытожил я. – Или идут все, или никто. Но обращаю ваше внимание еще раз: лучшая профилактика от горной болезни – движение.

– Бойтесь выпустить хоть кого-то из поля своего зрения? – усмехнулся Джейк, отодвигая тарелку. – Райн, вам никто не говорил, что вы до крайности дотошны и властолюбивы? Это даже как-то странно.

– Все мои студенты были именно такого мнения, – улыбнулся я в ответ. – Это называется ответственность. Так вы готовы идти?

– Готовы, – проворчал он, выбираясь из-за стола. – Только давайте поспокойнее. Без ваших скачек по горам.

– Тогда вам лучше сменить одежду на светлую. Пчелы летят на черный цвет.

Мы не успели выйти с местными сборщиками меда. Но я хорошо знал дорогу. Тропа начиналась за деревней и вела сначала к реке, а затем, за мостом, вилась по узкому ущелью между крутых склонов, густо поросших лесом.

Первым направляющихся сюда путников встречало изображение белой богини на скале. Яркие краски не тускнели, защищенные сверху каменным навесом склона. Женское божество Кайлата сидело на груди человеческих черепов, держа в каждой руке связку змей, и смотрело на проходящих мимо свирепыми глазами, налитыми кровью. Ее могучую шею украшало ожерелье из окровавленных языков, и красные капли с них падали на обнаженную белую грудь.

– Это та самая суровая богиня, о которой вы говорили? – осведомился Джейк, рассматривая изображение и явно не решаясь его сфотографировать.

– Да. В местной легенде говорится, что она обитает на вершине самой высокой горы мира в ледяном дворце. Но иногда спускается на землю. В Кантипуре и сейчас есть настоящее воплощение Великой матери – девочка, которую называют кумари. Она живет во дворце на площади Друбар. Ее считают олицетворением невинности и чистоты, только она имеет право ставить красную точку, тилаку, на лбу короля. И правитель страны поклоняется лишь этой маленькой девочке. Но едва она достигает возраста тринадцати лет – превращается в обычную девушку, а кайлатские астрологи и монахи ищут другую кумари, в которой вновь воплотилась богиня.

Мои спутники ошеломленно переглянулись, услышав этот рассказ, и тут же попытались перевести его в более понятную для себя плоскость, потому что поверить в потустороннюю сущность, обитающую в теле человека, было для них невозможно.

– Это что-то вроде королевы карнавала? – спросила Тисса. – Просто ритуальная фигура?

– Нет, это реальное божество, вселившееся в человеческое дитя. По легенде, король Джаяпракаш в похоти однажды убил маленькую девочку, и Великая мать разгневалась на это. В наказание ему она стала переносить свою бессмертную суть в ребенка – кумари, и каждый правитель обязан каяться перед ней, прилюдно стоя на коленях и целуя ее ноги, прося благословения и прощения за тот проступок, ежегодно, в день убийства.

– Но что она вообще делает? – с внезапно вспыхнувшим любопытством спросил Дик, рассматривая изображение на скале.

– Кумари не работает и не учится, ведь богиня, вселяющаяся в девочку, всеведуща. Ее кормят, моют, развлекают, наряжают. Никто не имеет права ей приказывать и даже давать советы, чтобы не разгневать. Она играет с детьми своего возраста...

– Вот жизнь, да, Тисса? – Дик ехидно покосился на девушку. – Тебе бы так. Правда, ты уже старовата. Тебя в богини не возьмут.

– У меня и так прекрасная жизнь, – высокомерно отозвалась та.

– Да. Благодаря мне, – снисходительно внес свой вклад в разговор Джейк.

– Также кумари принимает посетителей. Они убеждены, что, прикоснувшись к ее ступням, излечатся от любых болезней. А по реакции девочки на просителя можно узнать, что ожидает его в будущем. Слезы, громкий плач, крик – означают скорую смерть или тяжелую болезнь. Если кумари начинает дрожать – это означает тюремное заключение, если она принимает всю предложенную гостем еду – ему грозят денежные потери. Но если богиня спокойна и невозмутима, значит, все просьбы будут исполнены.

– И они верят во всю эту чепуху, – покачал головой Джейк, преисполненный недоумения и легкого презрения к местным жителям. – Как они тут еще не вымерли?

– Кайлат существует несколько тысячелетий, – заметил я.

– А что происходит с девочкой, когда она вырастает? – поинтересовалась Тисса, которую больше занимали бытовые подробности существования богини.

– Она выходит замуж. Правда, считается, что муж кумари через год умирает. Но недостатка в женихах эти девушки никогда не испытывают.

– Бред какой, – сказал Дик.

Новых комментариев и вопросов не последовало.

Тисса нахмурилась, внимательно глядя на божество, потом тряхнула головой, отгоняя какую-то мысль, и отвернулась.

Я повел спутников дальше.

Солнце просвечивало сквозь листву, и дорога была погружена в зеленоватый полумрак, расцвеченный пятнами солнечных зайчиков, скачущих перед нами. Узкая речушка Нагбува-тенг Кхола звонко журчала рядом, то прячась за завалами камней, то снова показываясь и сверкая на солнце.

– Эй, смотрите-ка! – радостно воскликнул Дик, останавливаясь возле раскидистых кустов, растущих на берегу. – Это же конопля.

Тисса сорвала несколько листочков, внимательно изучила их и подтвердила:

– Действительно, конопля.

– Если бы вы, Райн, сказали, что это поход за марихуаной, некоторые из нас пошли бы с вами сразу, и с гораздо большей охотой, – сообщил Джейк, посмеиваясь. – Кстати, как обстоят дела с наркотиками в Кайлате?

– Не запрещены. Но ввозить и вывозить нельзя.

– А я и не собираюсь вывозить, – рассмеялся Дик, засовывая в свой рюкзак пригоршню листьев. – Мне этого едва хватит на неделю. Ну что, Райн, дружище, по косячку сегодня вечером? – воодушевленно спросил он меня.

Удивительно, стоило мне показать силу, как он тут же стал стараться записать меня в друзья.

– Нет, спасибо. У меня свои стимуляторы.

– Интересно, какие? – любясь красотой окружающих склонов, спросила Тисса, не ожидая, впрочем, ответа.

Скалы теперь почти смыкались у нас над головами, а растущий наверху лес молча смотрел на крошечные фигурки путников, ползущие по каменной тропе.

– Отличное место для того, чтобы напасть, – произнес Дик, осматривая склоны. – Или камень на голову сбросить.

– Смотри, накаркаешь, – со смешком отозвалась Тисса, оглядываясь на него.

Дорога вынырнула из ущелья.

Справа снова громко забормотала река, разбрасывая по берегам золотые отблески.

– Когда мы подойдем совсем близко, старайтесь не делать резких движений, – посоветовал я, – они этого не любят.

– Кто, божества? – скептически поинтересовался Джейк.
Я указал наверх.

Соты лепились к отвесным скалам и снизу походили на плоские округлые шляпки гигантских грибов. Они были черными от облепивших их пчел – огромные твари с палец величиной с деловитым гудением ползали по темным поверхностям и жужжали в воздухе вокруг.

– А я не верила, что в Кайлате есть пчелы, – почему-то шепотом сказала Тисса, завоженом глядя на стремительные тени, пронсящиеся над головой. – Такая высота...

– Самые большие и злые в мире, – ответил я.

– Как же местные достают мед? – спросила она, разглядывая восковые наросты, прикреплённые на склон не ниже пятидесяти метров от земли.

– Сейчас увидишь.

Через несколько минут мы перебрались через гладкие валуны и наконец оказались на достаточно широком берегу реки.

Здесь лежали огромные мотки толстой веревки, не до конца расщепленные куски бамбуковых стеблей, груда палок – все то, что впоследствии должно стать лестницей. Тут же стояли плетеные корзины для сот.

Но самих сборщиков меда не было видно. Я огляделся, недоумеая, куда они могли подеваться. И тут же, словно в ответ на мой невысказанный вопрос, из-за кустов послышался треск веток, азартные крики и пронзительный визг. На берег выбежали сразу несколько вопящих кайлатцев, вооруженных кухри и просто длинными ветками, а впереди неслось нечто темное, косматое, размером с лисицу.

Хищник затормозил, увидев меня, стоящего на пути, оскалился, грозно поднимая длинные иглы, растущие вокруг шеи наподобие жабо, а потом вдруг свернул в сторону и бросился на застывшую Тиссу.

Кайлатцы, преследовавшие его, завопили что-то невнятное, а я понял, что не успею ни добежать до девушки, ни догнать тварь. Поэтому выхватил нож и кинул его.

Считается, что кухри совершенно не приспособлен для метания. Однако мой врезался в зверя, и я почти ощутил, как, почуяв кровь, он радостно вгрызается в живую плоть.

«Лисица» взвыла и рухнула в каком-то шаге от ног побледневшей Тиссы, скребанула когтями по камню и затихла.

– Что это? – с интересом ученого-натуралиста задал вопрос Джейк.

Я мельком оглянулся и увидел, что все это время он стоял на безопасном расстоянии и успел вытащить фотоаппарат, чтобы снять неожиданное происшествие.

– Тварь, которая только что чуть не откусила мне ногу, если тебе это так любопытно, – резко ответила девушка, с отвращением и страхом глядя на зверя.

Я наклонился, чтобы выдернуть из его тела нож.

– Забавная зверушка, – прокомментировал Дик, слезая с валуна, на который лихо запрыгнул во время внезапного нападения. – Внешне не выглядит очень опасной.

Кончиком лезвия я подцепил воротник, состоящий из длинных черных игл, и показал ему. С острия каждой стекали мутные густые капли.

– Это яд. Одна царапина – и, скорее всего, врач тебе больше не понадобится.

– Прекрасно! – гневно воскликнула Тисса, отворачиваясь. – Великолепная прогулка. Очень познавательная.

Кайлатцы, увидевшие, что опасность устранена, неторопливо приблизились к нам и весело загомонили. Один из них ухватил дохлого зверя за хвост и потащил в сторону. Другие уставились на белых туристов, живо обсуждая, что было бы с Тиссой, если бы зверь все-таки укусил ее. К счастью, она не понимала найтили.

– А все потому, что ты не был на утренней торжественной церемонии, – упрекнул меня один из старших сборщиков меда – морщинистый темнолицый старик с узкими пронзительными глазами. – Вот и приманил несчастье.

Перед походом в горы за сотами кайлатцы всегда проводили специальный ритуал с песнями, молитвами и окуриванием благовониями. Он должен был обеспечить благополучную «охоту за медом».

– Никакого несчастья не случилось. – Я вытер клинок о траву и убрал в ножны.

Старик с сомнением покачал головой:

– А откуда тогда здесь взялся зверь? Они не выходят в это время года.

– Да, мы удивились! – воскликнул один из молодых кайлатцев – круглолицый, с космами иссиня-черных, давно не стриженных волос, торчащих во все стороны. – Выскочил из кустов и давай бросаться. Как будто взбесился! Ловко вы его, Рай-джи.

– Просто повезло, Тапа, – ответил я мальчишке, и он, польщенный, что я помню его имя, отошел к старшему наставнику, уже потащившему к реке веревку для лестниц.

– Что он делает? – прозвучал рядом со мной голос Тиссы.

Она смотрела на человека, который отрубил зверю голову и теперь, бормоча что-то негромко, кропил землю вокруг его тела кровью. Дик подошел было посмотреть поближе, но кайлатец, не отрываясь от своего занятия, недвусмысленным жестом велел ему отойти.

– Пытается нас защитить, – ответил я. – Злой дух злого существа после смерти может вернуться, чтобы мстить живым, если не провести определенный ритуал.

– Неплохие кадры, – сказал Джейк, глядя на экран своего фотоаппарата. – Тисса, ты великолепна даже испуганная.

Девушка улыбнулась, тряхнув пышной копной волос, и подошла к нему. Казалось, она уже забыла о том, что произошло.

Охотники за медом между тем занялись последними приготовлениями.

Разложили у подножия склона костры из свежей травы, и густой дым стал подниматься вверх, пополз по камню, окуривая соты серой пеленой.

Десяток кайлатцев, размочив веревку в реке, собрали длинную лестницу, втыкая между размягченными волокнами перекладины и укрепив их расщепленными бамбуковыми палками, а затем подхватили ее и понесли к скалам, где крепились соты.

– Похоже, ничего сложного, – заявил Дик, наблюдая снизу за Тапой, карабкающимся по узкой тропе на вершину склона.

Тот сбросил длинную веревку, и его товарищи привязали к ней начало следующей лестницы, чтобы подтянуть ее вверх и закрепить там.

Большинство из них были в относительно светлой одежде – широких этнических штанах, спортивных кофтах или водолазках. Смесь национальной и иностранной трекерской одежды давным-давно вошла в местный обиход. Но кое-кто был и в темном – считалось, что это наиболее опытные собиратели меда, и пчелы давно принимают их за своих.

– Ну вообще все не так просто, – сказал я. – Это древнее ремесло, секреты и тонкости которого передаются из поколения в поколение.

Дик неопределенно хмыкнул и отошел к Джейку, фотографирующему все детали работы. Плечом я почувствовал теплое прикосновение. Тисса стояла рядом и, запрокинув голову, смотрела, как длинная лестница медленно вползает вверх. В горных очках отражался кусок неба. И я понимал, о чем она думает. Тисса знала, что я всегда приду к ней на помощь, и это не переставало удивлять ее.

– Наверное, я должна поблагодарить тебя? – услышал я негромкий голос.

– Не должна. Думать о других – моя врожденная особенность. И благодарить за это так же бессмысленно, как за наличие у Джейка сердца или легких.

Тисса рассмеялась, сбросила шляпу, и та повисла на тесемках за ее спиной. Светлые волосы заблестели на солнце.

– Ты всегда умел так хорошо все объяснить.

Я видел, что молодые сборщики меда украдкой поглядывают на нее. Тисса очень отличалась от их местных черноволосых, черноглазых, смуглых невысоких женщин, но, несмотря на свою непохожесть на них, казалась кайлатцам очень красивой.

– Что ты так смотришь? – спросила она не без иронии.

– Местным жителям ты должна напоминать богиню. Рослая, сильная, с белой кожей.

Девушка насмешливо фыркнула.

– Это та самая свирепая фурия, которая убивает всех направо и налево? Ее изображение было на скале? Безумная и страшная, как смерть. Спасибо, Рай. Ты всегда умел говорить комплименты.

Сборщики меда наконец закрепили лестницу наверху, и двое из них, вооружившись длинными шестами, стали спускаться. На обоих были вполне современные защитные сетки до плеч, делавшие их похожими на мирных сельских пасечников. Добравшись до восковых языков, наполненных медом, один из кайлатцев начал отламывать куски сот – пустые бросал вниз – в деревне воск всегда пригодится, полные – складывал в корзину. Обкуранные сонные пчелы не трогали его, одурело ползая по камням.

Тисса отошла к Джейку, проявляя повышенный интерес к получившимся кадрам.

Когда первая корзина была наполнена, ее спустили вниз. Старший сборщик капнул медом себе на руку, подождал несколько минут и довольно кивнул.

– Пчелы собирают нектар со всех местных растений, – пояснил я в ответ на вопросительные взгляды. – А среди них много ядовитых, так что мед может оказаться таким же.

– И что, они проверяют его безопасность, просто капнув на руку? – с внезапным любопытством спросила Тисса.

– Да. Если кожу начнет жечь, значит, есть мед – нельзя.

– А что будет, если все-таки съесть? – Дик, который живо интересовался всевозможными наркотическими средствами, наблюдал за кайлатцем, проверяющим остальные куски.

– Бред, галлюцинации, сильное отравление...

Я не договорил. Сдавленный крик прервал мои слова. Мы вчетвером одновременно повернулись. Я торопливо обшаривал взглядом кайлатцев, также с недоумением оглядывающихся: две фигурки сборщиков меда, склоны гор...

– Смотрите! – воскликнул Тапа, показывая куда-то вверх над собой. И только теперь мы увидели.

На краю утеса показалась нелепая черная фигура, размахивающая руками. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять – это человек, облепленный пчелами. Свирепо гудя, крылатые твари жалили его. Ничего не видя, несчастный подбежал совсем близко к краю, оступился и полетел вниз со скалы. А может, прыгнул сам, чтобы избавиться от боли. Он тяжело рухнул на землю, и черное облако тут же взмыло в воздух и унеслось прочь, растаяв в небе.

Второй человек за эту неделю на моих глазах падал в пропасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.